

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

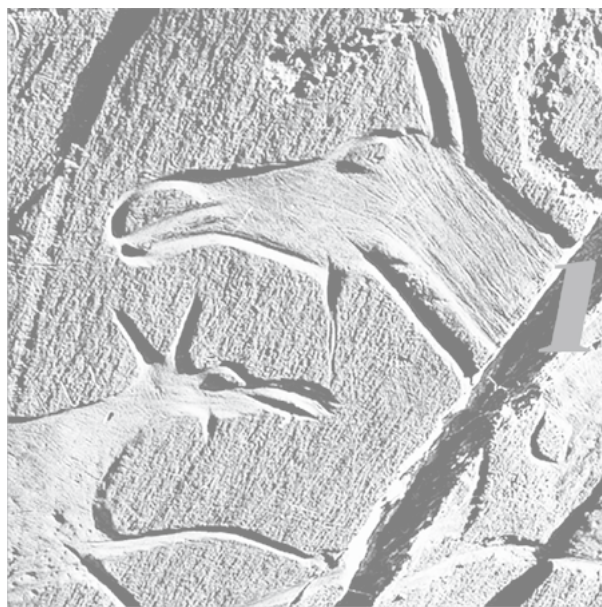
I / 2015

Ученые
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Ученые записки

музея-заповедника
«Томская Писаница»

Выпуск 1

Кемерово
2015

Научное издание

**Ученые записки
музея-заповедника
«Томская Писаница»**

Журнал издается с 2015 года,
Выходит 2 раза в год

Учредитель

Государственное автономное
учреждение культуры Кемеровской
области «Историко-культурный
и природный музей-заповедник
«Томская Писаница»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75-86-33, e-mail:
pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Редакционная коллегия:

Главный редактор

В. А. Каплунов, заслуженный
работник культуры РФ, директор
ГАУК КО Музей- заповедник
«Томская Писаница»

Зам. главного редактора

А. И. Мартынов, доктор
исторических наук, профессор,
академик РАЕН, главный специалист
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Редактор

А. Ф. Покровская, кандидат
культурологии, заместитель
директора по науке ГАУК КО Музей-
заповедник «Томская Писаница»,
старший преподаватель кафедры
музейного дела КемГУКИ

Ответственный секретарь

С. В. Иванова, старший хранитель
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

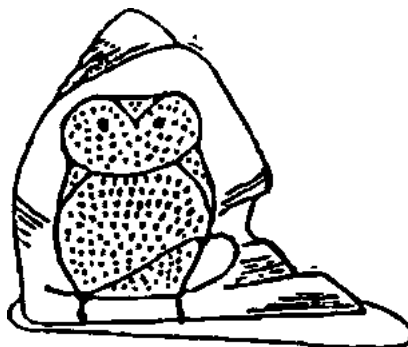
УДК: 902/904 (908)

Содержание

Научные экспедиции музея-заповедника «Том-
ская Писаница» 5

Исследования петроглифической экспедиции
музея-заповедника «Томская Писаница»
в 2012–2014 гг. 29

Археологические исследования музея-заповед-
ника «Томская Писаница» 53

Сдано в набор 06.04.2015 г.
Подписано в печать 27.04.2015 г.
Формат 62×80/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,7.
Заказ 150406. Тираж 300 экз.

ООО «Примула»

650024, Россия, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31.
(+7-384-2) 76-10-01
e-mail: primulaprint@mail.ru

Отпечатано ООО «Азия-Принт»

650004, Россия, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35А.

Уважаемые читатели!

Мы начинаем выпуск периодического научного издания «Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Журнал включен в национальную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ, договор № 245—04/2015).

Основной целью является публикация результатов фундаментальных и прикладных исследований в области гуманитарных наук. Журнал представляет собой междисциплинарное издание, нацеленное на публикацию оригинальных исследований, проектов, обзоров, сообщений, отчетов о конференциях, рецензий на работы по актуальным вопросам теории и практики музееведения, археологии и этнологии. Особое место в издании должно занять практическое направление исследований по сохранению, реставрации и музеефикации объектов культурного наследия.

В выпусках будут представлены материалы и коллекции музея-заповедника «Томская Писаница» и других российских и зарубежных музеев и научных центров.

Мы приглашаем к сотрудничеству ученых, практиков и всех, кому интересна данная проблематика. Каждый год будут выходить в свет два номера издания.

Помимо расширения коммуникативного пространства взаимодействия российских и зарубежных ученых, редколлегия журнала ставит перед собой такие перспективные задачи, как завоевание авторитета среди читателей высоким уровнем публикаций, их актуальностью, теоретической новизной и практической значимостью, а также обеспечение соответствия журнала требованиям и критериям, предъявляемым к научным журналам и изданиям, входящим в перечень РИНЦ (российского индекса научного цитирования).

В первом номере журнала представлены обзорные статьи, в которых отражены научные направления, традиционные для музея-заповедника «Томская Писаница».

Специфика научно-исследовательской работы учреждения заключается в том, что основу музея-заповедника составляют недвижимые памятники истории, культуры и природы.

Сибирь – один из самых богатых в мире регионов наскального искусства. Здесь насчитывается несколько сотен местонахождений и тысячи объектов древнего искусства. Писаницы, как традиционно называли в Сибири рисунки на скалах, расположены по берегам крупных сибирских рек и в степных предгорьях. Томская писаница среди них занимает особое место – это одно из самых известных и значимых в Западной Сибири местонахождений наскальных изображений и первый в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства.

Петроглифы Томской писаницы – древние выбитые, прочерченные или нарисованные охрой изображения – издавна интересовали исследователей и путешественников. Рисунки, нанесенные на прибрежной скале, были известны уже с XVII в., с начала освоения Сибири русскими землепроходцами. Описания скалы с рисунками содержатся в трудах известных учёных и путешественников XVII—XIX веков: Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Г. И. Спасского и многих других. В 60—70-х годах XX века изучение томских петроглифов продолжили советские исследователи А. П. Окладников, А. И. Мартынов, В. В. Бобров, Ю. М. Бородкин, Э. И. Биглер. Завершающим этапом этих многолетних исследований стал капитальный труд А. П. Окладникова и А. И. Мартынова «Сокровища Томских Писаниц» (1972), а также десятки статей в научных журналах в СССР и за рубежом.

В 1968 г. территория, прилегающая к писанице, была объявлена заповедной зоной, а к середине 80-х, в том, что на Томской писанице, должен быть музей, сомнений

уже не было. 16 февраля 1988 года Постановлением Совета Министров РСФСР № 51 был создан многопрофильный музей под открытым небом с целью сохранения и публичного представления памятника наскального искусства Федерального значения «Писаницы» («Томская писаница»), архитектурно-этнографических памятников под открытым небом, музейных предметов и коллекций, сохранения и изучения флоры и фауны заповедника, создания современной системы использования памятников истории и культуры, организации познавательного и научного туризма, сохранения исторического ландшафта.

В первые годы работы были заложены основы функционирования музея: создан профессиональный коллектив единомышленников, подготовлен и утверждён генеральный план развития. Проведены первые экспедиции по комплектованию фондов, положено начало формированию этнографических экспозиций музея «Шорский улус Кезек» и «Русское сибирское село». В 1989—91 гг. в результате разведывательных археологических экспедиций вниз по течению Томи сотрудниками музея были обнаружены новые наскальные рисунки.

В 1995 г. музей отнесен к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации.

Вторая половина 90-х гг. прошлого столетия ознаменована появлением новых экспозиций, организацией научных конференций и семинаров. В 1995 году открыт музей петроглифов Азии, являющийся сегодня крупнейшим в России хранилищем коллекций наскального искусства Центральной Азии. Создан археологический комплекс «Археодром», включающий в себя реконструкции в природной среде древних жилищ народов Сибири эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья, а также павильон погребений.

В 1996—97 гг. созданы экспозиции «Мифология и эпос народов Сибири»; Славянский мифологический лес»; интерактивная экспозиция «Живая археология»; экспозиция «Монгольская юрта» – традиционное жилище скотоводов-кочевников. Юрта получена в дар от губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева.

В сентябре 2008 г. в музее-заповеднике «Томская Писаница» по инициативе губернатора Кузбасса А. Г. Тулеева построена действующая часовня-храм, как памятник освоения Сибири российским государством, которое изначально было связано с распространением христианства среди местного населения. Названа часовня в честь Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия.

На территории музея находится вольерный зоопарк, где содержатся животные и птицы, обитающие в Сибири.

Осенью 2014 года представители туристической индустрии Кузбасса и журналисты совершили экскурсию на речном теплоходе вниз по Томи, чем положили начало будущему водному экскурсионному маршруту музея-заповедника по Писаницам Нижнего Притомья.

Музей-заповедник «Томская Писаница» сегодня – это динамично развивающийся современный многопрофильный культурный комплекс, успешно сочетающий в себе музейную специфику, научную и культурно-просветительскую деятельность.

Приступая к изданию научной периодики нашего музея, мы надеемся, что «Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница» станут местом, где соберутся лучшие исследовательские силы.

Редакционная коллегия

Л. А. Скрябина

к. и. н., ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница»

С. В. Иванова

старший хранитель музея-заповедника «Томская Писаница»,
магистрант кафедры музейного дела КемГУКИ

А. С. Мархель

младший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница»,
студентка 3 курса кафедры музейного дела КемГУКИ

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Полевые экспедиционные исследования являются важнейшей составной частью научной деятельности музея-заповедника «Томская Писаница». Они проводятся со дня основания музея и осуществляются по четырем направлениям:

- исследование памятников первобытного искусства Евразии;
- исследование археологических культур на территории Кемеровской области и сопредельных территорий;
- этнографическое изучение коренных народов Кузбасса;
- изучение истории и особенностей традиционной культуры русского населения региона.

Основной задачей всех экспедиций было и остается комплектование и пополнение фондов музея-заповедника, а также сбор информации для разработки научных концепций, ТЭПов, текстов экскурсий стационарных экспозиций и временных выставок. Кроме того, материалы, полученные в ходе экспедиций научных сотрудников музея-заповедника, стали основой множества статей, а также диссертаций и монографий д.и.н. И. В. Ковтуна, к.и.н. Л. А. Скрябиной, к.и.н. И. Д. Русаковой.

Полевые экспедиционные материалы в виде дневников и научных отчетов составляют на сегодня 26 единиц хранения научного архива музея-заповедника «Томская Писаница».

На протяжении более 25 лет эти материалы были доступны лишь немногим исследователям, работающим с архивным фондом музея. Теперь же, с выходом первого выпуска периодического научного издания «Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница», дневниковые записи и экспедиционные отчеты станут доступны всем, кто интересуется историей и культурой Кемеровской области и сопредельных территорий.

Далее представляем вашему вниманию материалы этнографических экспедиций музея-заповедника «Томская Писаница».

Научный отчет этнографической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» за 1989 год

Время проведения экспедиции: 04.07.1989 г. – 24.07.1989 г.

Состав экспедиции: зав. этнографическим отделом МЗТП Скрыбина Людмила Анатольевна, студенты I курса исторического факультета КемГУ: Кока Олег Александрович, Хромова Татьяна Александровна, Соловьева Елена Юрьевна.

Цель экспедиции: этнографическое обследование русского населения Нижнего Притомья: выявление памятников народной архитектуры, сбор информации по материальной и духовной культуре, приобретение экспонатов в фонды музея.

Маршрут: д. Писаная, с. Колмогорово, д. Морковкино, д. Иткара, (Яшкинский район Кемеровской области), с. Подонино (Топкинский район Кемеровской области), д. Колбиха (Юргинский район Кемеровской области), с. Ярское (Томский район Томской области).

Отчет составлен по материалам дневниковых записей, архивных и библиографических исследований. За время экспедиции было опрошено 28 информаторов (список прилагается).

I. Общие сведения о формировании русского населения Нижнего Притомья

Нижнее Притомье – территория бассейна р. Томи от ее устья до города Кемерово, является районом первоначального заселения русскими юга Западной Сибири. Почти все обследованные населенные пункты были основаны в период с середины XVII до середины XVIII вв.

Вплоть до начала XX века подавляющее большинство населения региона составляли сибиряки-старожилы, потомки поселенцев XVII–XVIII вв. Первый приток русского населения из других губерний (преимущественно из Тобольской губернии) фиксируется здесь только в 80–90-х гг. XIX в. Вторая, наиболее массовая, волна переселенцев из центральных, южных и западных регионов России хлынула в Притомье с началом столыпинской реформы (1906 г), третья – в период, предшествующий коллективизации (20–30-е гг.).

II. Историко-архитектурная характеристика обследованных населенных пунктов

Деревня Писаная

Деревня Писаная основана на землях, принадлежащих Томскому Алексеевскому мужскому монастырю, предположительно во второй половине XVII – начале XVIII в. Как и в других монастырских владениях, первыми жителями здесь, вероятно, были

«пришлые гулящие люди, записавшиеся за монастырем» [Беликов, 1989]. Деревня расположена в устье р. Писаной при ее впадении в р. Томь. Название свое река и деревня получили от «писаных скал» с рисунками древних людей, которые предполагаются вблизи деревни.

По данным статистического исследования, проведенного в 1894 году, в деревне Писаной насчитывалось 15 хозяйств, из них 11 старожильческих, 2 переселенческих и 2 «разночинских». В деревне располагались 4 дома-связи, 2 крестовых дома, 3 пятистенка и 9 изб, 11 крестьянских усадеб представляли собой крытые дворы [Барнаул, 1899. – Вып. 2].

На протяжении длительного времени деревня Писаная относилась к приходу Пачинской церкви Рождества Святого Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, с начала XX в. – к приходу Колмогоровской церкви Вознесения Господня.

Согласно поименному списку деревни за 1901 год, сохранившемуся в Томском государственном архиве, здесь жили сибиряки-старожилы Ильиных, Толстовы, Кудрины и Бажукины. В 90-х годах XIX в. сюда переселились Семеновы и Рожевы из Тобольской губернии, Кустовы из Пермской губернии, Черноусовы из Томска, Кудрины из д. Тутальской Томского уезда, Юрмановы из д. Подъяковой Кузнецкого уезда [3]. В годы столыпинской реформы в Писаной поселились еще два десятка семей, переехавших сюда из европейских губерний России. В 1911 году в деревне насчитывалось уже 37 дворов и 210 жителей, в 1920 году – 44 двора и 309 жителей [Томск, 1911].

К сожалению, сведений о фамилиях переселенцев начала XX века в архивных и литературных источниках пока не обнаружено.

В настоящее время в Писаной проживает лишь один потомок старожилов – Анатолий Бажукин. Последняя из старожилов села, Бажукина Евгения Григорьевна (1900 г.р.), умерла в этом году.

Документально подтвержденных сведений о планировке селения в конце XIX – начале XX вв. не имеется. По словам наших информаторов, еще в первой половине XX века деревня занимала значительно большую площадь, чем в настоящее время. Дома располагались по правому берегу р. Писаная и с противоположной стороны от современного шоссе город Кемерово – поселок Яшкино.

По свидетельству В. А. Юрманова (1929 г.р.), в начале XX века в Писаной имелся двухэтажный дом, который принадлежал одному из братьев Ильиных. Хозяин дома держал мельницу. Дом был разломан во время коллективизации. Водяная мельница на р. Писаная просуществовала до 50-х гг. Дом и мельница располагались по правую сторону от современного шоссе. Также, по сообщению В. А. Юрманова, кто-то из Ильиных содержал деревенскую кузницу [2, л. 14–14 об.].

В настоящее время в деревне Писаная постоянно проживает всего 6 семей, более 20 усадеб используются как дачные участки. Из жилых построек конца XIX – начала XX вв. сохранилось шесть домов.

1). Дом-связь на подклети (фото 1). В настоящее время является собственностью музея-заповедника «Томская Писаница». Приобретен у Василия Арсентьевича Юрманова, который был последним хозяином. Предположительно, дом был построен во второй половине XIX в. [2, л. 14 об.].

2) Дом-пятистенок. В настоящее время принадлежит жительнице села Колмогорово Анастасии Ивановне Савельевой, купившей его 20 лет назад. Хозяйка утверждает, что дому более 100 лет [1, л. 3 об.]. Фамилию строителя и первого хозяина пятистенка установить не удалось.

3) Крестовый дом семьи Бажукиных. По утверждению старожилов деревни, дом построен в 90-х гг. XIX в. Григорием Бажукиным [1, л. 3 об.]. В одной половине этого

Фото 1. Дом-связь на подклети.

дома сейчас проживает его внук Анатолий Бажукин, вторая половина дома принадлежит дачникам из г. Кемерово.

4) Крестовый дом с крытым крыльцом. Постройка конца XIX – начала XX вв. Принадлежит местному жителю Василию Михайловичу Минькову. По словам хозяина, был построен дедом жены, предположительно на рубеже веков (фамилию не вспомнил) [1, л.3об.].

5) Крестовый дом, предположительно постройки начала XX века (соседний с домом-связью). Принадлежит жителям Кемерово. Историю дома выявить не удалось.

6) Крестовый дом, предположительно постройки начала XX века (фото 2). Историю дома выявить не удалось.

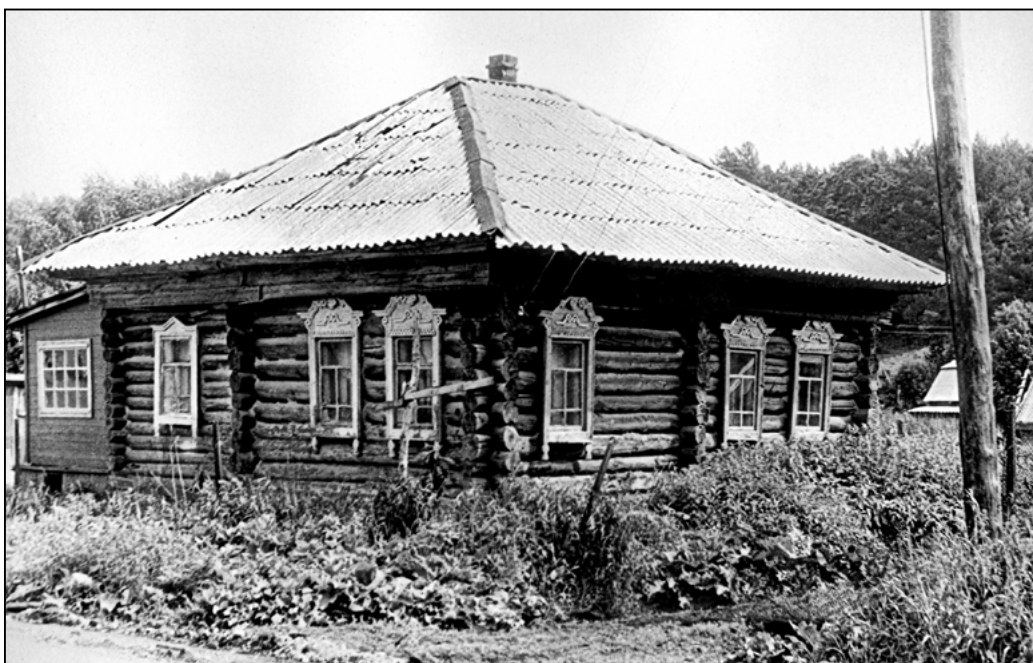

Фото 2. Крестовый дом начала XX века.

Село Колмогорова

По имеющимся сведениям, деревня Колмогорова была основана в первой половине XVIII в. [Емельянов, 1978]. Свое название, как и большинство поселений в округе, деревня получила по фамилии одного из основателей. В тоже время в документах XIX века упоминается еще одно название этой деревни – Пожарище.

На расстоянии примерно одного километра от д. Колмогорова располагался выселок, именованный Заимка Колмогорова, основанный во второй половине XIX века. В настоящее время это один населенный пункт.

Уроженец села Колмогорова Боянов Василий Алексеевич, 1921 г.р., рассказал следующее: «Есть легенда о том, что первый поселенец пришел в эти места и попросил у волости разрешение на жительство. Ему сказали, что если хочет, то пусть сам строит дом возле лиственной рощи. Из этой рощи он и брал деревья для сруба. Срубил без одного гвоздя. Волостному начальству понравилось и разрешили бесплатно взять лес на баню и амбар. Считается, что изба первого поселенца сторела, поэтому деревню стали называть Пожарище, а потом уже здесь поселился Колмогоров и с него так стали называть деревню. Заимка от слова «занимать». Новые переселенцы просили у местных жителей землю и им её как бы занимала община» [1, л. 2 об.].

По материалам исследования 1894 г. в д. Колмогорова насчитывалось 41 старожильческое хозяйство и одно инородческое, значился 1 двухэтажный дом, 8 домов-связей, 2 крестовых дома, 18 пятистенков, 22 избы, 42 крытых двора [Барнаул, 1899. – Вып. 2].

В д. Заимка было 16 хозяйств (7 старожильческих дворов и 9 дворов крестьян-переселенцев из Тобольской губернии), 1 дом-связь, 2 крестовика, 3 пятистенка, 11 изб, 16 крытых дворов [Барнаул, 1899. – Вып. 2].

Согласно переписи крестьянских хозяйств за 1901 год, на рубеже XIX – XX веков в д. Колмогорова жили сибиряки-старожилы Быковы, Безсоновы, Корчугановы, Бушуевы, Колмогоровы, Киселёвы, Колокольцевы, а также семья сибирских татар Сузараковых [4]. В д. Заимка старожилами значились Быковы, Вахрушевы, Кунгуровы, а также Бояновы, поселившиеся здесь в начале 80-х гг, переселенцами – Семины, Яковлевы, Киргизцев, Усольцевы, Сотниковы, Калугины [5].

В настоящее время в селе проживают потомки Бояновых, Корчугановых, Колокольцевых, а также Ильиных и Юрмановых из д. Писаной.

По свидетельству сестер Бояновых, Раисы Александровны (ныне Сушенцовой) и Фелисаты Александровны (ныне Калугиной), семья их прадеда Боянова приехала в д. Заимка, где было всего 11 дворов, из Тобольской губернии. Их деду Боянову Константину Петровичу было тогда 7 лет. Всего в Заимку приехали семь братьев Бояновых. По словам Ф. А. Калугиной, «из-под Тобольска уехали из-за зеленых кобылок, которые поедали урожай и там был голод» [1, л.2об., 3].

Новая волна переселений в деревни Колмогорова и Заимка, связана со столыпинской реформой. По рассказам проживающих ныне в селе Колмогорова потомков переселенцев начала XX века, их родители прибыли сюда в 1906–1913 гг. и были выходцами из самых разных губерний России: родители Марфы Федоровны Белоговой и Андрея Алексеевича Андреева прибыли из Харьковской губернии, Елены Ивановны Частиковой из Вятской, Екатерины Емельяновны Швыревой из Белоруссии [2, л. 9, 11, 12, 15].

В 1911 году согласно официальной статистике д. Заимка разрослась до 61 двора, в д. Колмогорова насчитывалось 56 домохозяйств, имелась церковно-приходская школа Пачинского прихода, к которому относились тогда деревня и торговая лавка. По вторникам здесь собирался еженедельный базар, куда съезжались крестьяне со всей округи [Томск, 1911]. Своих мельниц в Колмогорова и Заимке не было, ездили в Писаную.

Вероятно, изначально деревни Колмогорова и Заимка имели приречную уличную планировку, вдоль р. Томи. Со стороны реки располагались огороды.

До настоящего времени в селе Колмогорово сохранилось несколько построек конца XIX – начала XX века. Самым старым считается дом на улице Мирная (фото 3).

Фото 3. Дом-изба из села Колмогорова.

По словам Василия Алексеевича Боянова, 1921 г. р., «дом сложен из лиственницы без единого гвоздя» [1, л. 2об.]. Кто построил этот дом, никто в селе уже не знает. В советское время у него было много хозяев. Изначально это была изба, в настоящий момент – пятистенок. Пристроенная часть дома построена из более мелких сосновых бревен.

Особый интерес представляет двухэтажный дом, принадлежавший когда-то семье Корчугановых (фото 4).

По данным, полученным от Вахрушевой Ангилины Ивановны (1929 г. р.), внучки Никифора Корчуганова, этот дом принадлежал Федору Корчуганову, родному дяде её деда. Его сын Петр в начале XX века держал в деревне лавку, которая располагалась в расположенном рядом доме – связи на подклети. В лавке Петр Федорович торговал ситцем, вином, конфетами, керосином.

Во время коллективизации семья Петра Корчуганова была репрессирована, их дома неоднократно перестраивались. В двухэтажном доме некоторое время размещалась школа, а затем совхозное общежитие [2, л. 5–5об, 12.].

В той части села, где когда-то располагалась д. Заимка, сохранились два крестовых дома, построенные братьями Бояновыми. В одном из них сейчас проживает Фелисата Александровна Калугина (в девич. Боянова, 1914 г. р.). Дом строил ее дед Константин Петрович Боянов, предположительно в конце 90-х гг XIX в. Константин Петрович был кузнецом, его кузница находилась недалеко от дома у реки. [2, л. 17 об.].

Фото 4. Двухэтажный дом из села Колмогорова.

Фелисата Александровна рассказала следующее: «Дом стоит на прежнем месте, но в 1914 году его перебирали, потом пристроили веранду. В 70-х гг. убрали русскую печку и лавки. Двор был очень большой. Там, где сейчас дорога, был двор. Во дворе амбар. В амбаре пол стелился высоко, чтобы грызуны не залезали. Были закрома для муки, пшеницы, зерна. Рядом, под навесом, бороны, плуги, телеги. К навесу примыкала завозня по типу амбара, только пол стелют на земле. Здесь тоже иногда хранили муку в закромах, там же стояла колода, рубили мясо, висели крюки для мяса. Наверху делались «пятры» – плахи такие, там жили голуби. За домом пристройка с соломенной крышей, хранили дрова, инструменты, хомуты, упряжь, сани. Для скота были постройки на огороде. Сарай, крытый соломой (хлевок), здесь загоны для овец, коров, закут для кур. Постройка для свиней (катух) отдельно, но под крышей стайки. Рядом конюшня, баня «по-черному» за огородом, у речки. В бане сушили лен, возле бани его обычно мяли. На огородах сажали мало, только лук и картофель [2, л. 17 об.].

В сенях стоял стол, умывальник в виде чайника, под воду деревянное корытце. Здесь же лестница на вышку – на чердак. Сени называли «средний крылец». Был ещё «верхний крылец» – на улице. Полы везде не крашены. На кухне (в избе) – русская печь, полати. За печью ход в подпол. Печь с «казенкой». На казенку ставили лук в корзинах. Иногда там спали, когда было холодно. На полатах спали, клали одежду. Слева от печи кут, там полки для посуды, лавка, стол, на котором готовили. Недалеко от печи стоял самовар, труба вставлялась в печь. Кругом по стенам лавки шириной в метр и более. Короткая лавочка стояла у двери, на длинную сверху положена. На этой лавке отдыхали днем. Стол кухонный обычно не покрывали скатертью. Если покрывали, то во время обеда убрали. В горнице стояла кровать деревянная, самодельная, на нее складывали постель. Спали на полу. Кровать покрывали одеялом из лоскутов. Подушек было много, их покрывали накидушками, которые вязали крючком. На стенах фотографии, портреты обвешаны полотенцами, вышитыми обязательно крючком. Полотенца вешали еще на зеркало и на божницу. В горнице был сундук для одежды, деревянный диванчик, шкаф для посуды, несколько стульев, столик под божничкой покрыт скатертью. В доме было много цветов.

«Усадьба при доме была гораздо больше, ее территория была даже там, где сейчас проложена дорога. Большой амбар находился, как раз по ту сторону от дороги. К амбару примыкала крытая поветь (дровяник). На заднем дворе находились помещения для скота: стойки, конюшни, хлевок. На огороде – оwin и гумно. Баня была за усадьбой, у реки. Ограда городилась заплотом. Огород и поскотина городились городьбой и плетнем» [1, л.3].

Дом, в котором в настоящее время проживают Марфа Федоровна Белоногова и Екатерина Емельяновна Швырева, строили отец и сын Илья Сафронович и Прокопий Ильич Бояновы в начале 20-х гг. XX в. Потом в доме жил Григорий, сын Прокопия, со своей семьей [1, л.2.].

Крытые дворы и замкнутые усадьбы в Колмогорово не сохранились. По-видимому, традиция их возведения, как и в д. Писаной, окончательно утратилась в 30–50-х гг.

Незадолго до революции на деньги сельского общества в д. Колмогорова началось строительство храма во имя Вознесения Господня. Церковь располагалась на границе между д. Колмогорова и д. Заимка, в том месте, где сейчас стоят совхозные коттеджи (напротив здания сельского совета).

Служба в храме, по словам наших информаторов, продолжалась до середины 30-х гг. После закрытия церковь подверглась разграблению: колокола были свезены в Яшкино, большинство икон разобрали жители. Кресты отправили на переплавку, но один крест был сохранен жителями и поставлен на кладбище. Сначала в разоренной церкви хранили зерно, затем были разрушены купол и звонница, сооружена новая крыша и здание стало функционировать как клуб. А. И. Вахрушева подарила музею фотографию начала 60-х гг. с видом перестроенного под клуб здания церкви (фото 5). В начале 80-х годов здание сторело в результате пожара.

Фото 5. Здание клуба в селе Колмогорово. 60-е годы.

Из полевого дневника экспедиции

Вахрушева Ангелина Ивановна (в девич. Яковлева), 1929 г. р.: «Братья Корчугановы до революции на свои средства построили церковь, самую богатую в округе, с богатым иконостасом и звонницей. Церковь действовала до 1937 г., последним попом был отец Михаил, жил в маленьком домике на берегу реки. Сторожами и одновременно звонарями были Никита Егорович по прозвищу «Капитал» и дед Филимон. Жили в помещении церкви. После закрытия церкви звонница и иконостас были разграблены. Братья Корчугановы завещали себя похоронить около церкви» [2, л. 5].

Колокольцева Анна Александровна (в девич. Корноухова), 1933 г. р.: «Церковь была построена до революции, пожалование на строительство и содержание давали богачи братья Корчугановы. После смерти Корчугановы были похоронены во дворе церкви. Сейчас на этом месте находится коттедж. В 40-х годах церковь была разграблена, после чего закрыта, а в дальнейшем разрушена. Колокола и кресты были направлены на переплавку. Иконостас разрушен и разграблен, иконы использовались в качестве дров, в войну кое-кто ими погребя накрывал» [2, л. 6 об.].

Калугина Фелисата Александровна (в девич. Боянова), 1914 г. р.: «Церковь была очень большая и красивая, имела 7 крестов и 7 колоколов. Колокола звонили в церкви в основном в праздники. Попы часто менялись. Службу в ней служили до 1934—35 гг., а затем она использовалась под «голубинку» (склад зерна). После разграбления все иконы были сброшены в колодцы, а кресты и колокола отправили на переплавку» [2, л. 11].

Частикова Елена Ивановна (в девич. Дореманова), 1912 г. р.: «В церкви был большой приход: Колмогорово, Заимка, Писаная, Хмелевка, Подикова, Миничева, Морковкина, Пещёрка, Горёвка. Священником в 20-е годы был Михаил Иванович. Жил в доме за церковью. Его дочери Лида и Юля пели в церкви. Звонили перед обедней в 9 час в один колокол, после обедни во все колокола. В воскресенье и праздники звонили заутреню, обедню, вечерню» [2, л. 13 об.].

Юрманов Василий Арсентьевич, 1929 г. р.: «Деньги на церковь собирали всем обществом, но больше всего денег дали братья Корчугановы. Они же и выбрали место для строительства. Строили приезжие мастера из Томска. Когда храм закрыли, сначала оставили два этажа, потом только один, из клуба сделали склад, потом общежитие. Сгорело недавно, в начале 80-х гг.» [2, л. 14].

Деревня Морковкино

Деревня Морковкино возникла во второй половине XIX века как выселок из деревни Писаной. Располагается на берегу р. Писаной, названа по фамилии первого жителя Морковкина. Из каких мест прибыли первопоселенцы не установлено.

Деревня относилась изначально к Пачинскому православному приходу, затем к Колмогоровскому.

Согласно исследованиям 1894 года в д. Морковкина насчитывалось 29 крестьянских хозяйств, 6 домов-связей, 2 крестовых дома, 6 пятистенков, 17 изб, 27 крытых дворов [Барнаул, 1899. – Вып. 2].

По свидетельству уроженки Морковкино Александры Николаевны Снегиревой, 1923 г. р., когда в 1890 г. родители её матери приехали сюда с р. Камы, в деревне было всего 3—4 двора [2, л. 19].

Численный рост деревни начался в период столыпинской реформы. В 1911 году здесь насчитывалось уже 50 дворов [Томск, 1911], в 1920—88 дворов и 492 жителя

[Томск, 1923]. В начале XX века в деревне имелась своя мельница, на р. Пача. [Томск, 1911]. Со слов А. Н. Снегиревой, в середине 30-х годов здесь было образовано два колхоза – «На полный ход» и «Бедный Демьян» [2, л. 19 об.]. (Вероятно, «Колхоз имени Демьяна Бедного»).

По свидетельству информаторов, в начале XX века основными типами домов, как и сейчас, были пятистенки и крестовики. В период коллективизации дома зажиточных крестьян были разломаны, все добротные хозяйственные постройки свезены в колхоз. К настоящему времени старых домов в Морковкино не осталось, но сохранился амбар, ранее принадлежавший кому-то из зажиточных крестьян. Сейчас амбар используется под совхозный склад.

Деревня Иткара

По данным томского историка Н. Ф. Емельянова, деревня Иткара основана в 1646 г. сыном боярским Ядловским и пашенным крестьянином Фролом Фроловым в «65-ти верстах» от Томска на правом берегу р. Томи и изначально являлась сторожевой станицей [Емельянов, 1978]. В атласе С. У. Ремезова (1701 г.) указанное поселение значит уже как село, следовательно, в нем имелась церковь [Беликов, 1898]. В подтверждение этому М. Бородкина в своем очерке о деревне Иткара среди исторических документов 1699 г. упоминает грамоту Томского воеводы Петрово-Солового о жаловании томскому духовенству, в которой упоминается о селе Алексеевском – Иткаре: «Когда была построена в Иткаре церковь, доподлинно неизвестно, нет об этом и предания у населения. По словам стариков – иткаринцев, церковь у них была в то время, когда ни в Кулаковой, ни в Остроге храмов не было» [Бородкина, 1927].

Храм был посвящен Святому Митрополиту Московскому Петру. В первой половине XIX века Иткаринская церковь сгорела и не восстанавливалась.

В 1894 г. в д. Иткара было 44 двора, 3 дома-связи, 1 крестовик, 10 пятистенков, 39 изб и 39 крытых дворов [Барнаул, 1899. – Вып. 2].

М. Бородкина пишет, что в конце XIX века среди иткаринцев не было ни одного переселенца: «Переселенческий элемент из-за Урала начинает проникать лишь с 1900 года, то были выходцы из Вятской губернии – «вдовуха» Анна Дурова и семья Д. И. Ложкина. В последующие годы вслед за Ложкиным потянулись из Вятской губернии (Малмыжского уезда) и другие крестьяне, которых насчитывается теперь 25 дворов; остальные новоселы, живущие в Иткаре, пришли из губерний: Могилевской (2 дома), Казанской (2 дома), из Каменецк-Подольской (2 дома) – украинцы или «хохлы», как называют их крестьяне. К 1925 году в Иткаре насчитывалось уже 105 хозяйств, из них 33 были переселенческими» [Бородкина, 1927].

По свидетельству наших информаторов, переселенцы селились отдельно от сибиряков, и со временем в Иткаре образовались две части: «старая деревня», где жили старожилы, и Заречье, где обосновались переселенцы. В настоящее время деревня Иткара сохранила традиционное деление на две части.

В старожильской части Иткары сохранилось несколько крестовых домов постройки конца XIX – начала XX в. Некоторые дома с резными подзорами и наличниками. Резьба на всех домах однотипная. По свидетельству Устиньи Михайловны Скороходовой, 1906 г.р., украшением домов занимались пришлые люди, которые ходили из села в село [2, л.47].

Самым старым считается пустующий крестовый дом, принадлежащий ныне Дунаеву Владимиру Федоровичу. По свидетельству У. М. Скороходовой, раньше он принадлежал Скороходову Алексею Васильевичу.

Шестистенок, в котором сейчас проживает А. Н. Попова, 1915 г. р., был построен в 1907 году братьями Иваном и Степаном Пичугиными (фото 6).

Фото 6. Шестистенок начала XX века из деревни Иткара.

В Заречье осталась одна улица, состоящая из домов-пятистенков, построенных в 50—60-е гг.

В обеих частях деревни встречается замкнутая застройка дворов и смешение традиций в ограждении дворов, когда заплот сочетается с плетнем. Основные хозяйственные постройки: стайки, амбары, дровяник под навесом.

Из полевого дневника экспедиции

Скороходова Устинья Михайловна, 1906 г. р.: «Старики рассказывали, что первые поселенцы в Иткаре жили в закрытых ямах недалеко от водопада, потом стали строиться. Самые старые дома связью строились. Старожилы здесь, в Иткаре: Скороходовы, Игловские, Воротниковы. Раньше в селе были только эти фамилии. Среди старожил бедными считались те, кто имел по 2—3 коровы и лошади. А при советской власти почти всех старожил объявили кулаками.

Переселенцы из России были неимущие, нанимались в батраки, своих хозяйств не имели. Их не любили, потому что им нужно было давать землю и вообще они были попрошайками. Первыми переселились сюда Ложкины, Андреевы и Шабановы. Ложкины переселенцы с Вятки, нужды не знали, жили хорошо, потом уехали в Тайгу. После революции переселенцы иногда вообще выгоняли старожилы.

Раньше в деревне была церковь, называлась «Метрополит», потом сгорела. Престольный праздник Метрополит в октябре праздновали. На кладбище вместо крестов клали большие каменные глыбы, они и сейчас там лежат. Кладбище было рядом с церковью.

Еще до колхоза в Иткаре был «магазин» – это общественный амбар, где хранилась рожь или пшеница. Хлеб это выращивалась на общем поле, на котором работали

в воскресные дни. Когда неурожаи были, на собрании решали, кому сколько зерна выдать из общего амбара. Решали это мужики на сходе. Еще в деревне были мельница, кузня, маслобойня и воскобойня» [2, л. 43, 43 об, 46 об.].

Воротникова Анна Кирилловна, 1913 г.р.: «Родители мои в 1907 году добровольно приехали сюда с Украины из-за малоземелья. Сначала были посланы в Сибирь ходоки, а потом уже приехали семьями. Переселенцы все селились за речкой. Старожилы выделяли землю на мужчин. Пашни была недалеко от деревни. Земли было много, заводили скот. Работали на поле и мужчины, и женщины. Мама говорила, что на Украине женщины только дома работали. Когда родители приехали, то привезли с собой только утварь и вещи домашние. Двух коров и двух коней приобрели уже здесь. Сначала жили в избе у старожилов и за это на них работали, потом отстроили себе дом. Жили сначала большой семьей: дед и два сына с семьями. Дед не разрешал делиться. Только после смерти деда отец построил для своей семьи пятистенки. Во дворе у родителей стайка срубная была, соломой крыта. Два погреба было, в одном держали картофель, в другом запасы. Переселенцы дворы плетнем городили, а у сибиряков все заплотами огорожено было.

Лесом распорядились сибиряки. Чтобы лес на дом получить, нужно было старожилам ставить водку. Переселенцев старожилы иногда плохо принимали, стычки, драки были.

Одежда у переселенцев отличалась от сибирской, более красиво украшалась. У мамы была рубаха с вышивкой крестом. В праздники парни надевали черные штаны, бордовые рубашки, лаковые пояски.

Церкви в Иткаре уже не было, ездили через реку в Асаново, там была часовня. По воскресеньям ходили в церковь в Кулаково. Ее разрушили в 30-е годы. Церковь стояла на берегу реки, были хорошо слышны звоны. Ходили пешком и в Ярославской храм. В разных церквях звонили по-разному» [2, л. 40—41].

Попова Александра Никитична, 1915 г.р.: «Родители рассказывали, когда приехали сюда в 1906 году из Смоленской губернии за землю старожилам платили деньги и ставили ведро самогона. Сибиряки все богато жили, а среди переселенцев самыми богатыми Ложкины были.

В деревне было много хороших крестовых домов. Недавно при пожаре пять таких домов сгорело.

Ближайшие церкви были в Остроге и в Кулаково. В Остроге из церкви сделали клуб. Заведовала клубом Евгения Бурыхина. Однажды стала в церкви петь и плясать под балалайку, вскоре ее парализовало, умерла. Деверь Егор в Кулаково церковь ломал, пришел домой стал по-собачьи лаять, тоже помер» [2, л. 45 об, 46].

Село Подонино

Село Подонино располагается на левом берегу реки Томи при впадении в нее речки Глубокой. Точная дата основания селения не известна, но, вероятнее всего, это начало XVIII века.

Изначально селение, как и речка, на которой оно находится, носило название деревня Глубокая. Именно под этим названием она значится в «Реестре деревням от Кузнецка вниз по Томи...», составленным в 1734 г. С. П. Крашенинниковым [Крашенинников, 1966]. С какого времени деревня стала именоваться Подонинской, пока установить не удалось. Название, скорее всего, происходит от фамилии. По словам местной жительницы Елены Яковлевны Робовой, 1912 г.р., существует предание о том, что деревню основал ссыльный по фамилии Подонин [2, л.21].

В 1893 г. в селе Подонинском проживало 56 семей сибиряков-старожилов (184 чел.) [Томск, 1893]. В 1911 году насчитывалось уже 109 крестьянских дворов и 575 жителей. Здесь находилось волостное правление, была церковно-приходская школа, имелись три мануфактурные, одна мелочная и одна винная лавки, располагался общественный хлебозапасный магазин. [Томск, 1911].

По словам информаторов, среди переселенцев, приехавших в Подонино в начале XX века, были крестьяне из Орловской, Казанской, Рязанской, Тамбовской губерний и из Перьми.

В настоящее время большую часть исторической территории села занимает пионерский лагерь. Старые дома не сохранились. Распространены крестовики и пятистенки, построенные в 50—60-х гг. Большинство домов сейчас принадлежат дачникам.

Из полевого дневника экспедиции

Робова Елена Яковлевна (в девич. Петракова), 1912 г. р.: «Мать с отцом приехали сюда из Севского уезда Орловской губернии в 1908 г. Раньше в Подонино было три улицы: две от берега уходили вглубь, а одна вдоль берега шла. Между тремя улицами была базарная площадь и на ней церковь. Сейчас на месте этой площади пионерлагерь.

Каждый понедельник в Подонино были базары, а в декабре целую неделю проводилась ярмарка, её называли Никольской.

Через Томь существовал паром, который приводился в движение специальным устройством. В нем большое колесо, на которое наматывался канат. Колесо крутили лошади. Одновременно паром перевозил несколько подвод с лошадьми.

Сибиряки-чалдоны – Капраловы, Огневы, Маслянины, Махлинские жили зажиточно. Махлинский винную лавку держал. В деревне было три водяных мельницы. Хозяева – братья Капраловы, Митька да «щербатый» Николай.

В церкви нашей было два больших колокола и много маленьких. Звонили в основном на праздники. Хор был, пели дети священника и дочери богатых, в частности, Огневы. В приход входили дд. Хмелевка, Подъяково, Креково, Глубокая и Стрельня, Новая и Старая Балахонка. Поп до 1921 года был из местных – Андрей, умер в 1921 г. Звонарем был Константин. Сломали храм в 1937—38 гг. Ломали Иван Егоркин и Пронька Сунчаров, местные пьяницы. Их за это Бог наказал. Пронька умер в 30-годы, задавился на веревках, а Егоркина задавило в лесу бревнами» [2, лл. 21—22].

Филин Степан Павлович, 1908 г. р.: «Родители, Павел Львович и Александра Михайловна, приехали из Орловской губернии в 1907 году Бедными были, пришлось идти в батраки. Жили в чужой избе. Свой пятистенок отец построил в 1914 году, нанимал артель строителей. Сейчас в этом доме живет Штендель Алинда Ивановна.

Подонино было волостным селом. Местные богачи – сибиряки Новоселов Михаил Сергеевич, Капраловы Федор Михайлович и Николай Михайлович. Федор держал магазин, в котором потом размещался кирпичный завод. Огнев Агафон Ионыч держал магазин. В селе была своя кузня.

Томь была судоходной рекой, в день по ней проходило от одного до трех пароходов из Томска. Возили керосин, соль, рыбу, железо, спиртное, также молотилки, сенокосилки, конные грабли.

В 20-х в Подонино существовало кредитное товарищество по эксплуатации сеялок. В 1931 году организовали колхоз.

У церкви было 5 глав, 5 крестов, 6 колоколов (25 пудов, 12 пудов, 11 пудов и три колокола от 5 до 5 пудов). Звонили по праздникам. В пасхальную неделю звонил, кто хотел. Последний поп – Никольский Андрей Осипович, умер в начале 20-х го-

дов. Когда разгромили церковь, колокола увезли в Топки. Обещали из них сделать трактора. Кресты и иконы отвезли туда же» [2, л. 23 об. – 24 об].

Деревня Колбиха

Деревня Колбиха расположена на левом берегу реки Томи, в устье р. Колбихи. Основана Томским Алексеевским монастырем, предположительно во второй половине XVII – начале XVIII вв. В 1859 году по данным очередной ревизии в Колбихе насчитывалось 42 домохозяйства и 279 душ обоюбого пола [Спб., 1868]. Самая распространенная фамилия старожилов – Ильиных.

К началу XX века деревня увеличилась до 60 дворов и 342 жителей: здесь имелись торговая лавка, питейное заведение и хлебозапасный магазин. [Баранул, 1899. – Вып. 2]. Церкви в Колбихе не было, деревня относилась к Пачинскому приходу.

В настоящее время местных жителей почти не осталось, большинство домов принадлежат дачникам из Кемерово и Юрги. В деревне сохранился уникальный дом-связь под самцовой крышей с коньком (фото 7). Постройка XIX в. Сейчас дом принадлежит дачнику из Кемерово (фамилию установить не удалось).

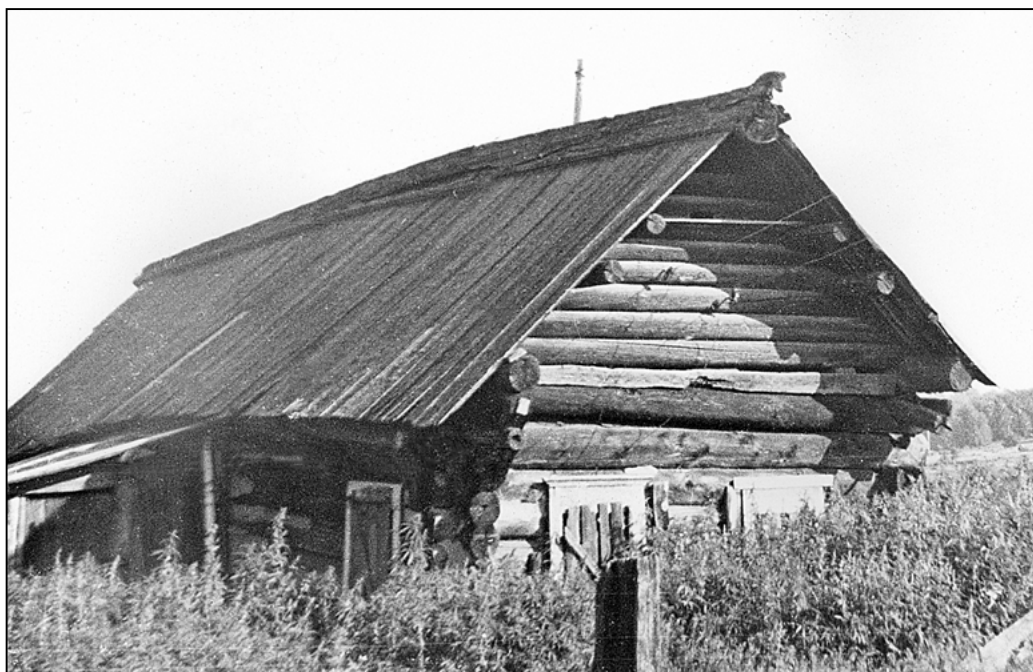

Фото 7. Дом-связь из деревни Колбиха.

По словам местной жительницы, Серафимы Федоровны Ильиных (1903 г.р.), дом строил ее прадед Кузьма Данилович Ильиных. Родственница Серафимы Федоровны, Ильиных Клавдия Гавриловна, 1923 г.р., сообщила, что в доме жили три поколения их семьи, и сама она родилась в нем [2, лл. 25, 26].

Кроме дома-связи с коньковой крышей из старых построек в Колбихе сохранились пятистенки и два крестовых дома, построенных в начале XX в., а также два амбара, которые во время коллективизации были обобществлены и свезены на окраину деревни.

Из полевого дневника экспедиции.

Ильиных Серафима Федоровна, 1903 г.р.: «Дом этот самый старый в Колбихе, построен из лиственницы и сначала был крыт дранкой. Позднее отец перекрыл дом тесом. Двор был очень большой и огорожен заплотом. Под одной крышей во дворе были амбар и конюшня (у отца было три лошади), все остальное – клевок для овец, избушка для телят и большой сарай стояли раздельно, крылись соломой. Коровы в любое время года были на улице, во дворе. Только когда телиться, заводили в клевок. Огороды тогда были маленькие, находились «на задах» – за скотным двором.

Переселенцы из России появились в году 1909–1910, сибиряки к ним относились хорошо: давали землю, помогали скотиной и инвентарем. Отец одалживал им лошадей и плуг, иногда за отработку, иногда даром. Землю переселенцам сначала выделяли старожилы, а потом землемеры с волости делили. Переселенцы вели хозяйство по-своему. Скотину они держали в стайках, бычков звали волами.

Мельницы в деревне не было, а кузня небольшая была. Молоть ездили в Стрельню и в Пачу. Был один двухэтажный дом, при нем лавка. Туда из Томска привозили промышленные товары: аршины тканей, платки. Еще ходили «мелочники», которые продавали иголки и булавки. В основном весной ходили по улицам и кричали» [2, лл. 26–28].

Ильиных Клавдия Гавриловна, 1923 г.р.): «В доме три части: изба, сенцы и горница. В избе стояла русская печь, лавки по стенам, в «кути» полки, там посуда стояла. В горнице основным украшением были иконы и фикус. Там же была деревянная кровать. Отапливалась горница железной печкой. Из хозяйственных построек во дворе были стайка, баня, амбар. При коллективизации все амбары были перевезены за деревню. Большие дома снесены, остались одни лачужки» [2, лл. 25, 25об].

Село Ярское

Село Ярское относится к Томской области, расположено в 49 км от Томска на границе с Яшкинским районом Кемеровской области. Основано томскими служилыми людьми в 1630–40-х годах XVII века как сторожевая станица [Емельянов, 1978]. Название села происходит от места, где оно расположено. Это Яр – высокий правый берег реки Томи. Народное название села – Яр. Традиционная планировка приречная, в несколько рядов улиц.

В 1893 году в селе насчитывалось 87 дворов сибиряков-старожилов (440 душ обою пола), 2 двухэтажных дома, 8 домов-связей, 6 крестовиков, 21 пятистенков, 61 изба, 79 крытых дворов [Барнал, 1899. – Вып. 1].

В 1911 году, за счет притока переселенцев из российских губерний, количество дворов увеличилось до 117, а общая численность жителей составляла уже 373 человека. В селе была церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, построенная в 1859 году, имелось сельское училище, работали винная и пивная лавки, через Томь переправлялись на пароме [Томск, 1911].

В настоящее время из построек начала XX века в Ярском сохранилось несколько крестовиков и пятистенков. Дом, в котором сейчас проживает А. И. Рачёва, был построен в 1923 году братьями Дубасовыми. Прозвище первого хозяина было «поп». Подобных домов в селе было четыре, сейчас осталось два.

На некоторых домах сохранились резные подзоры. Характерно, что резьба на подзорах и наличниках старых домов в Ярском и Иткаре идентичны.

В отличие от всех исследованных населенных пунктов Кемеровской области, в Ярском сохранена традиция крытых и замкнутых дворов. Фасад таких усадеб представляет собой единую линию: жилой дом, ворота с калиткой, амбар.

Из полевого дневника экспедиции

Рачёва Анна Ивановна, 1907 г.р.: «Семья наша переехала в Сибирь из Курской губернии из-за малоземелья. В семье было 11 человек, все дети – девки. Приехали сюда две семьи родственников. С собой привезли молотилку, маслобойку, жатку на четыре лошади. Приехав в Ярское, купили у богачей избенку на бывшем скотном дворе, в ней и жили. Старожилы выделили огородик, там сеяли просо, сажали лен, коноплю, картофель. Пашню и луг давали только на мужские души. У Рачёвых земли было мало, поскольку мужчин было двое – отец и дед. Вскоре война началась. Отца забрали на фронт, там и погиб, а мы почти совсем без земли остались. Жилье было бедное, «светом горожено, небом крыто». Во дворе ставили стайки для коров и коней. Погребов не рыли, все ставили в подпол. У амбаров и стоек крыши крыли соломой. Снопки из соломы мочили в глине и прикладывали и сверху глиной поливали. Клади колосьями вниз.

В Яру тогда было три улицы вдоль реки. Одна уже обвалилась. Ближе к реке были дворы. Местными старожилыми-чалдонами здесь были Кинёвы, Фроловы, Петровы, Никулины. Переселенцев встречали плохо.

Чалдоны были злые, много бродяг. У них свободной земли было много. Землю делили на ленточки и пашни и луга. Землю делили на ленточки и пашни и луга. Лес общий им урядник распоряжался. За лес нужно было денег заплатить, урядника, и других начальников напоить.

В селе было два двухэтажных дома – у Милии Алексеевны и у Гейманов (Дейманов?). Они держали лавки. У Милии была мелочная лавка, где продавали сушки, пряники, соль, а Гейманы (Дейманы) покупали в верховьях Томи скот, пригоняли, забивали, а мясо возили в Томск. Держали работников, и я у них в работницах была.

На Троицу в селе, напротив церковной площади, была ярмарка. Церковь была очень красивая, белокаменная, пятиглавая. Сейчас на этом месте детский сад. Назывался храм Собор Введения Божьей Матери. Приход был большой – Алаево, Варюхино, Зелеево, Мальцево, Вершинино, Батурино, Спасское. В церкви были певчие. Фроловы, Гавриил Андреевич с дочерьми (8 детей). Еще один певчий – Савелий Васильевич. Он держал винополку.

Колокольня стояла отдельно, двухъярусная. На верхнем ярусе самый большой колокол. В него били два человека. На нижнем ярусе 6 маленьких колоколов разного размера. Некоторые колокола привязаны к доске, по ним ногой били. Звонари жили возле церкви. Одного звали Гордей Меркульев. Вызывали на колоколах: «Хоть бы били, хоть бы нет». Под его звоны плясать можно было. Церковь разломали в 1935 году. Последним священником был отец Сергей. Говорят, что большой колокол в Томь сбросили, маленькие переплавили» [2, лл. 33об. – 35].

Сычёва Зинаида Ивановна, 1907 г.р.: «Церковь стояла на том месте, где сейчас детский сад. Двухэтажная была: зимой служба шла вниз, летом наверху. Люди говорили, что наша церковь копия какой-то московской» [2, л. 36 об.].

Чернильщикова Капитолина Яковлевна, 1920 г.р.: «Старики рассказывали, что тем людям, что построили храм в Яру выкололи глаза, чтобы не смогли построить подобного. Вокруг церкви была красивая железная решетка, которую делал местный кузнец Климов. К Пасхе иконы с первого этажа переносили на второй. После этого

работали уже два этажа церкви. Перезвон был под присказку. Каждый звонарь звонил по-своему.

Родители были родом с Вятской губернии, приехали в Яр в 1905 г. Вятских тогда много сюда переселилось.

Очень большой приток переселенцев, по словам информатора, был в 1905 году из Вятки. Выращивали в основном хлеб и капусту. Капусты сажали много, возили продавать в Томск» [2, лл. 38 об, 39].

У Капитолины Яковлевны в доме сохранилась старая икона из храма. Эту икону, вместо платы за провоз до Томска ее мужу отдала какая-то старушка, которая во время разорения храма забрала икону домой.

III. Традиционная культура и быт русского населения обследованных населенных пунктов

Основные занятия и промыслы

Основными занятиями русского сельского населения на территории Нижнего Притомья в конце XIX – начале XX вв. были земледелие и животноводство.

На протяжении всего XIX в. здесь преобладала «вольная» форма землепользования [Кауфман, 1894]. По рассказам информаторов, каждая семья имела свой «отруб» – пашню и большой участок сенокоса. По словам уроженки деревни Колбиха С. Ф. Ильиных, 1903 г. р., земли брали столько, сколько захватят и смогут обработать [2, л. 26 об.]. Как правило, на участке обязательно был березняк или мелкий лес для заготовки дров. Хозяева, у которых пашня находилась далеко от деревни, ставили там летнюю избу.

С появлением большого числа переселенцев в начале XX века вольная форма землепользования сменилась переделом. Новое поземельное устройство было регламентировано правительственными актами, согласно которым на каждую душу мужского населения отводился земельный надел в размере 15 десятин удобной земли и лесной надел до 3 десятин. Наделы отводились лишь в пользование, а не в собственность крестьян [Кауфман, 1894].

В мае везде начинались сельскохозяйственные работы. Сеяли озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, гречиху, лен, коноплю. Всходы на полях неоднократно пропалывали, этим занимались преимущественно дети. Огороды были небольшие, там выращивали капусту, репу, морковь, немного картофеля. В июле, с Петрова дня, начинали сенокос, одновременно шел сбор ягод и грибов. С конца августа начинали уборку и обмолот хлебов, которые продолжались до октября. В октябре женщины мяти лен.

Традиционные орудия сельскохозяйственного труда – бороны, сохи, косы и серпы. В начале XX века в деревнях и селах Притомья стали применять сельскохозяйственные машины и механизмы (конные жатки, сенокосилки, молотилки).

Разведением домашних животных и земледелием занимались в каждой крестьянской семье. Из домашних животных содержали лошадей (рабочих и выездных), крупный рогатый скот, овец, домашнюю птицу. Свиной в хозяйствах сибиряков выращивали редко, в отличие от переселенческих хозяйств.

Зажиточные сибиряки содержали в своих хозяйствах значительное количество лошадей и крупного рогатого скота. Так, например, в 1901 г. у жителя деревни Писаная Ивана Афанасьевича Ильиных насчитывалось 29 лошадей и 19 голов крупного

рогатого скота [3], у колмогоровского крестьянина Алексея Ивановича Быкова – 21 лошадь, 13 коров и бычков, у местного купца Петра Федоровича Корчуганова – 29 лошадей, 17 голов крупного рогатого скота [4].

Летом крупный рогатый скот и лошади находились в поскотине. Поскотина – место, которое обносилось изгородью, где на вольном выпасе находился скот. Участки изгороди были распределены между домохозяевами, они обязаны были следить за сохранением и состоянием своего участка изгороди. Городили обычно жердями. Пастухов община нанимала редко.

Следует отметить, что в с. Ярском и д. Иткаре крестьянские хозяйства были более ориентированы на продажу производимой сельхозпродукции в городе Томске. По свидетельству уроженцев с. Ярского К. Я. Чернильщиковой (1920 г.р.) и В. Е. Кириллова (1923 г.р.), в селе специально на продажу выращивали много капусты. На больших лодках-«паусах» в Томск возили также зерно, сено, дрова. Крупнорогатый скот гоняли своим ходом [2, лл. 36, 39].

Среди неземледельческих промыслов в обследованных селениях самыми распространенными на рубеже XIX–XX веков были пчеловодство и рыбный промысел.

Пчел разводили в дуплянках (колодках), рамочные улья появились лишь в начале XX века. Согласно материалам обследования крестьянских хозяйств Томского уезда в 1894 г. жители деревни Колмогорово имели 458 дуплянок, деревни Морковкино – 140, д. Иткаринской – 108, в Ярском – 326 [Барнаул, 1899. – Вып. 1; Барнаул, 1899. – Вып. 2].

Рыбу ловили как в Томи, так и в мелких речках. По свидетельству В. А. Юрманова (1929 г.р.), «в речке Писаной водилось много крупной рыбы, её кололи ночью острой, это называлось светить рыбу [2, л. 14об.]. Старожил села Подонино С. П. Филин (1908 г.р.) сообщил, что «рыбу били багром ночью, но были и любители, ставили переметы и корчаги» [2, л. 24 об.].

Для крестьян д. Иткара и с. Ярского важными промыслами были извоз, лесозаготовка и продажа дров в городе Томске» [Барнаул, 1899. – Вып. 1; Барнаул, 1899. – Вып. 2].

Самыми распространенными домашними ремеслами повсеместно были прядение, ткачество, вышивание, вязание крючком. Занимались ими женщины. Все изделия изготовлялись исключительно для собственных нужд. Мужчины занимались в основном мелким ремонтом орудий труда и утвари.

По свидетельству информаторов, посуду, мебель, конскую упряжь, земледельческие орудия старожильское население в основном приобретало в Томске или на ярмарках в Поломошном, Ярском, Подонино, Паче.

В среде сибиряков-старожилов самым распространенным ремеслом было кузнечество. Кустарными ремеслами, сапожным, гончарным, бондарным и пр, как правило, занимались лица из числа переселенцев.

По воспоминаниям старожилов д. Писаной и с. Колмогорово, в деревне Писаная в начале века жила мастеровая женщина Ефимушка, которая плела корзины, шила хомуты, изготовляла мебель [2, лл. 7 об, 11об]. Белоногова М. Ф., 1914 г.р., вспомнила, что в Колмогорово жил дедушка Мирон Кудынов из пермяков, который плел из бересты короба, корзины и лапти [2, л. 15]. Дед А. Н. Снегиревой, который был родом с Камы, в Морковкино плотничал, делал телеги и сани. Из среды переселенцев был бондарь в деревне Морковкино и гончар в соседней деревне Миничево [2, л. 19].

Из полевого дневника экспедиции

Частикова (Дореманова) Елена Ивановна, 1912 г.р., уроженка села Колмогорово: «У каждого хозяина был свой отруб, в котором были земля для посевов, сенокос, лес.

В мае, как только растает снег, каждая семья заготавливала на своем отрубе дрова, которые потом там все лето сохли. Весной начиналась посевная (пашут и сеют). Сеяли пшеницу, овес, ячмень, лен, гречиху. Лен сеяли на Лену – Лёносевку. Это 3 июня, в мой день рождения. Гречиху высевали самой последней, когда скворцы выводят птенцов. Одновременно всходит озимая рожь, которую сеяли осенью. Всходы неоднократно пропалывали. Этим занимались дети. Сорняк называли «жабрей». В огородах садили картофель, капусту, бобы, горох, арбузы, семечки. Сенокос начинался в июле, с Петрова дня. Летом же в лесу собирали грибы, ягоды, черемуху. Жать начинали с конца августа и до октября. Хлеб косили серпами, оставляли на поле в суслонах, потом свозили на ток и молотили. В суслон снопы укладывали вверх колосьями (6–7 снопов), сверху он закрывался одним снопом вниз колосьями.

Уборка льна происходила в последнюю очередь. Лен рвут, затем стелют на поле (сушат), потом везут в баню, где развешивают на жердях, баню протапливают и лен сохнет. Затем его мнут, после этого он готов к употреблению.

Когда женщины заканчивают мять лен, мужчины начинают возить с отрубов сено и дрова (октябрь-ноябрь). Сено заканчивали возить с первым снегом. Большинство пахали и убрали вручную, потом машины появились. Обычно молотилкой две или три семьи совместно владели» [2, лл. 12 об – 13 об.].

Калугина Фелисата Александровна (в девич Боянова), уроженка д. Колмогорова, 1914 г. р.: «У каждого домохозяина был свой отруб с пашней, сенокосом, лесом, а некоторые пасеки там держали. У Бояновых отруб был на расстоянии 4 км от деревни. Там стояла избушка. Летом во время полевых работ в этой избушке жила семья, там же хранили сельхозорудия. Скот на своем отрубе держал только один хозяин из Заимки – Быков Николай Иванович. Вокруг Колмогорова и Заимки было много земли, которая называлась церковной. Из нее дополнительно давали землю на покос, и эта же земля отводилась для переселенцев» [2, л. 18].

Робова Елена Яковлевна (в девич. Петракова), уроженка с. Подонино, 1912 г. р.: «Все крестьянским трудом жили. В апреле каждый хозяин на своем участке в березняке пилил дрова и складывают в поленницы. В мае сеяли хлеб, лен, коноплю, гречиху, просо, горох, фасоль, овес, чечевицу. В огородах сажали арбузы, мак, семечки, огурцы, лук, морковь, картофель. Некоторые хозяева арбузы в поле выращивали. В июне начинали прополку в полях. Пололи все семьей. Затем весь июль сенокос. В августе страда. Рожь озимую косили, пшеницу в старину убрали серпами, а в мое детство жатками, их имели многие хозяева. Жатку тянули две лошади. Кто победнее был, имели косилки. В 20-х годах появились жатки самовязки. Молотили цепями на поле. Еще до коллективизации существовал фонд для тех, кому не хватало зерна на случай голода. Туда нужно было сдать 12 пудов с каждого хозяйства. Но после революции забирали гораздо больше.

В сентябре продолжали и заканчивали обмолот. Копали картофель, убрали лён. Лен дёргали, собирали в снопы. Снопы стояли в поле пока не упадут. Затем их везли в баню, там просушивали. В октябре месяце, как лен просохнет, его мяли. Это женская забота. Мужчины по первому снегу возят сено и дрова. Так до начала зимы. Зимой домашними делами занимались, самогон гнали да гуляли» [2, лл. 22 об, 23].

Ильиных Серафима Федоровна, 1903 г. р., уроженка д. Колбиха: «Пашня отцовская была далеко, в 6–8 километрах от деревни. Там избушка была. Мельницы в Колбихе не было. Молоть ездили в Стрельню и в Пачу.

Дрова пилили недалеко от пашни весной, потом они сохли на деляне и осенью их увозили. Сначала земли было много, поэтому пахали и косили столько, сколько кто захватит, а потом стали давать участки «по-перемиру». Переделы начались в 1918 году.

Сибиряки держали много скота. Иной раз до 40 голов коров да бычков. Лошадей разводили для работы и на выезд. Питались, в основном, говядиной. Свиной держали мало.

За деревней большую территорию занимала поскотина, место это обносилось изгородью. Там на вольном выпасе находилась скотина. Участки изгороди были распределены между хозяевами, они обязаны были следить за сохранностью и состоянием своего участка изгороди (городили жердями). Каждый, кто заходил или выходил из поскотины, обязан был закрывать за собой большие ворота. На территории поскотины жил человек, у него было небольшое поле. Он был обязан от общества следить за поскотиной. Иногда нанимали пастухов, в основном это были переселенцы. Коров не пасли, только лошадей. Рабочих лошадей на ночь в поскотине оставляли.

Кузница была небольшая. Горшки и другую посуду приобретали на базаре. Некоторые пришлые люди заходили в деревню корзины плели, плотничали. В основном это бродяги были – «помиродники» [2, лл. 26 об – 27 об].

Фролова Александра Григорьевна, 1907 г.р., уроженка Ярского: «Пашню – полоски давали, только на мужчин. Эти полоски были далеко от села. На них находились избушки с сельхозинвентарем, там иногда ночевали в период работ. Там же заготавливали сено, дрова и осенью свозили в деревню» [2, л. 38 об.].

Духовная культура: праздничные традиции и семейная обрядность

Праздничная культура и семейная обрядность русского населения Притомья конца XIX – начала XX вв. неразрывно связана с Православием и традиционными языческими культурами. Отвечая на вопрос о том, какие праздники отмечались в их деревнях, информаторы в первую очередь вспоминают о престольных праздниках своих селений, а также праздновании Рождества, Пасхи, Троицы, Масленицы, Дне Ивана Купалы и др.

Из рассказов информаторов, очевидно, что во время всех этих праздников христианские ритуальные действия тесно переплетались с народными верованиями.

Из полевого дневника экспедиции

Ильиных Серафима Федоровна, 1903 г.р., уроженка д. Колбиха: «Главным праздником в Колбихе был Ильин день (2 августа) В этот день ездили в Пачинскую церковь (там был приход). Через реку был паром. В этот же день из церкви привозили священника с иконой Ильи Пророка. За иконой ходили 10 человек. В деревне икону устанавливали в доме, где жили самые верующие люди. Делали специальный навес, под который ставили стол и на него эту икону. Угощали священника. Сами только молились. К иконе приносили разные вещи, для того, чтобы хозяева дома молились за них о здоровье и благополучии. Вечером икону увозили обратно в Пачу. Также икону привозили на Николу, заносили в каждый дом. После Пасхи с иконой ходил священник в те дома, куда приглашали.

В Рождество и Новый год молодежь наряжалась «шуликанами». Они заходили в каждый дом, пели, плясали, их угощали, взаимно поздравляли. Гадали в основном в Новый год. Девушки брали петуха или курицу, заносили в дом. Ставили перед птицей чашки с водой и зерном. Если петух подходил к воде – значит, муж будет пьяница, если к зерну – хозяйственный. В хлеву гадали на женихов. Впотьмах хватили овцу,

отрывали клок шерсти. Каким цветом будет шерсть, таким цветом – волосы у жениха. Еще раньше гадали в бане. В темную баню, нужно протянуть руку в оконце. Если схватит косматая рука, жизнь будет богатая, если голая – то бедная. Мне мама запрещала так гадать, после того как одна девушка в деревне при таком гадании умерла от страха» [2, лл. 27об – 28 об.].

Фролова Александра Григорьевна, 1907 г.р., уроженка с. Ярское: «Большим праздником в селе было Введение во храм Богородицы. Церковь наша также называлась. Утром обедня была, ходили в церковь, а вечером гуляли. В этот день никто не работал. В отдаленные деревни носили Иконы Божьей Матери. На Рождество был пост. Славил Рождество Христово. На Крещение святили рано утром воду, заутреня была, обедня. В Петров день многие ездили в гости в Асаново, там водили хороводы, которые назывались «Проходна разлука». Молодежь, а иногда и взрослые водили хороводы, сначала на лугу, потом по деревне» [2, лл. 37 об, 38].

Частикова Елена Ивановна, 1912 г.р., уроженка д. Колмогорово: «На Пасху всегда Крестный ход был. После разговления все гуляли, веселились. Мужики ходили катать яйца-крашенки во двор к старшему Боянову» [2, л. 14].

Вахрушева Ангелина Ивановна, 1929 г.р., уроженка д. Колмогорово: «В 20–30-е годы еще всенародно праздновались Рождество, Масленка. На Рождество старушки ходили по домам и пели «Рождество Христово». На Масленку катались на санях или на лотках, которые делали так: кусок горбыля (примерно 80 см), обрезанный углом с одного края. Его обмазывали коровьим навозом, затем опускали в воду и замораживали» [2, л. 5 об.].

Попова Александра Никитична, 1915 г.р. уроженка д. Иткара: «На Рождество принято было гадать на женихов. В 11 часов вечера ставили перед собой зеркало, перед зеркалом стакан с водой туда обручальное кольцо венченное. Через определенное время можно в зеркале увидеть жениха, суженого. Ещё ночью на дворе нужно было обнять частокол на всю ширину вытянутых рук, а потом сосчитать жерди попарно. Если все будут парные, то значит в этом году будет жених, но если не парно, то в этом году останешься одна. Кидали валенки. На чей огород упадет или куда носком смотрит, оттуда жених будет. Гадали также в бане на тазах при свече. Зажигалась свеча, вызывался дух, сжигалась бумага и смотрели на силуэт тени от сторевшей бумаги» [2, лл. 46, 46 об.].

Важнейшим обрядовым действием во всех селениях была свадьба. Время проведения свадеб четко регламентировалось церковным и сельскохозяйственным календарем. Свадьбы не справлялись во время постов и в период сельскохозяйственных работ. Самое свадебное время, по свидетельству информаторов – поздняя осень и зима.

Молодежь, как правило, знакомилась на вечерках, но последнее слово оставалось за родителями молодых. По словам жительницы Колмогорово Е. И. Частиковой, 1912 г.р., бывало так, что «жених и невеста друг друга не видели до сватовства или даже до свадьбы» [2, л. 14].

Во всех обследованных нами населенных пунктах, свадебный обряд включал в себя несколько довольно продолжительных по времени этапов, насыщенных значительным количеством ритуальных действий, таких как сватовство, подготовка приданного, одаривание подарками, девичник, баня для молодых, снаряжение свадебного поезда, выкуп невесты, венчание, свадебный пир, проверка «честности невесты».

Из полевого дневника экспедиции

Калугина Фелисата Александровна, 1914 г.р., уроженка д. Колмогорово: «Перед свадьбой обязательно было сватовство. Жених с матерью, отцом и крестным приходили в дом к невесте. Если родители невесты согласны были отдать ее за парня, назначался день свадьбы. До свадьбы жених еще несколько раз приезжал с гостинцами. Накануне дня свадьбы было принято устраивать девичники, куда жених приходил с гостинцами, угощал подруг. Невеста брала у жениха деньги на подготовку к свадьбе.

Невесту в день свадьбы расчесывали перед зеркалом, одевали под причиты. Перед венчанием в дом невесты приезжали «поезжане». До 10 подвод бывало. Родители жениха не приезжали и на венчании не присутствовали. Родители невесты в церковь на венчание тоже не ездили.

Венчание по-христиански в церкви происходило, а оттуда уже ехали гулять к родителям жениха. Невеста должна была дарить подарки свекрови и дружке, в основном платки. На свадьбе принято было «величать» молодых, это когда старушки специальные песни пели» [2, лл. 10 об., 11].

Рачёва Анна Ивановна, 1907 г.р., уроженка с. Ярского: «Перед свадьбой невесту и жениха вместе водили в баню, чтобы он там ее «девью красу увидал». Венник наряжали ленточками. Дарила венник свекровь, приговаривая: «Пусть, как венник шумит, так муж над тобой шумит, как в бани листья от венника летят, так чтобы дурнота от невесты отлетала». Невеста перед свадьбой дарила подарки: жениху – рубашку, свекрови – полотенце или квашенчик с кистями, свёкру – «гульники» – холщёвые белые штаны» [2, л. 35 об.].

Скороходова Устинья Михайловна, 1906 г.р., уроженка д. Иткара: «В старину было принято воровать невест, потом приходит к ее родителям с повинной. Позже стали «дружить», знакомились на вечерках. Но и на моей памяти парни еще воровали девок. В основном знакомились молодежь на вечерках. Летом на лужайке. Зимой собирались по очереди то в одном, то в другом доме у молодежи, или были такие люди, которые сами приглашали к себе, в основном это вдовы были, бобыли или одинокие старики. Каждый день за вечерку кто-то отвечал. Ответчица убирала дом, готовила ужин, топила печь, приносила керосин. На другой день другая девушка это делала. На вечерках пели, играли. С вечерки парни воровали невест. Потом с повинной ходили к родителям девушки с отцом, матерью и родней 5—6 человек. Говорили: «У вас есть телочка, а нам купить надо». С собой приносили водку. После сватовства невесту возвращали. И она жила в своем доме. После сватовства обмен подарками, девичник. Замуж без приданого не брали. Если у девушки нет вышитых кружев, то лентяйкой звали.

В день свадьбы со стороны жениха свадебный поезд до 15 кошёвок. По приезду жениха подруги усаживают невесту за стол, где сидят ее братьевья. Самый старший продавал сестру. На выкуп жених везет деньги, водку, другие угощения. Прежде всего, поезжане должны были выкупить ворота, потом порог, потом невестину косу. В косе заплетено много лент, выкупают каждую ленту. Если братьевья соглашаются продать косу, невесте расплетают волосы. С распущенными волосами и ехала венчаться. После венчания – свадебный пир в доме родителей жениха. В разгар свадьбы невесту и жениха уводили в холодное место, где проверяется «честность» невесты. Если она «не честная», то свадьба заканчивалась. Показывали простынь или рубаху. Родню «нечестной» девушки закидывали, чем ни попадя. Могли отрубить голову петуху и еще что-то говорили. Если невеста честна, то гуляли сначала у всей родни жениха, а потом у родни невесты. Бывало, что молодые спали вместе еще до свадьбы, и если жених не хотел, чтобы невесту позорили, то отрубали голову петуху и простыни мазали кровью [2, лл. 44—45].

Воротникова Анна Кирилловна, 1913 г. р., уроженка д. Иткара: «Сначала молодые дружили. Потом сватовство было. Жених приезжал с родителями и сватами. Давали задаток, чтобы семья невесты уже не смогла изменить решения. Часто это было кольцо. После сватовства, до свадьбы, жених наезжал к невесте с подарками. В доме невесты в этот период готовили приданое, а также невеста готовила подарки жениху и его родне. В день свадьбы венчание в церкви, а потом гуляли неделю. Молодоженов в брачную ночь клали в подклети в холодное место. А в это время в доме шло гуляние. Утром, если невеста была девушкой до брачной ночи, то гулянка еще веселей продолжалась. Ездили на тройках по деревне. Тройку и повозку украшали красным. Если же невеста была порочна, то и свадьба была невеселая» [2, л 41 об.].

Список информаторов

д. Писаная

Миньков Василий Михайлович, 1913 г. р.

д. Колмогорово

Вахрушева Ангелина Ивановна (в девич. Яковлева), 1929 г. р.

Колокольцева Анна Александровна (в девич Корноухова), 1933 г. р.

Ильиных Петр Максимович, 1918 г. р.

Андреев Андрей Андреевич, 1924 г. р.

Сушенцова Раиса Александровна (в девич. Боянова), 1912 г. р.

Калугина Фелисата Александровна (в девич. Боянова), 1914 г. р.

Белоногова Марфа Федоровна 1914 г. р.

Частикова Елена Ивановна (в девич. Дореманова), 1912 г. р.

Юрманов Василий Арсентьевич, 1929 г. р.

Савельева Анастасия Ивановна, 1918 г. р.

Швырева Екатерина Емельянова, 1912 г. р.

Котова Пелагея Димитровна, 1910 г. р.

д. Морковкино

Снегирева Александра Николаевна, 1923 г. р.

Михалкина Просковья Тимофеевна, 1913 г. р.

д. Подонино

Робова Елена Яковлевна (в девич. Петракова), 1912 г. р.

Филин Степан Павлович, 1908 г. р.

д. Колбиха

Ильиных Серафима Федоровна, 1903 г. р.

Илиных Клавдия Гавриловна, 1923 г. р.

Ильиных Валентина Николаевна (в девич. Кунгурова), 1921 г. р.

с. Ярское

Рачева Анна Ивановна, 1907 г. р.

Кириллов Василий Евгеньевич, 1923 г. р.

Сычева Александра Григорьевна, 1907 г. р.

Фролова Александра Григорьевна, 1907 г. р.

Чернильщикова Капиталина Яковлевна, 1920 г. р.

д. Иткара

Воротникова Анна Кирилловна, 1913 г.р.

Скороходова Устинья Михайловна, 1906 г.р.

Попова Александра Никитична, 1915 г.р.

Источники и литература

1. АМЗТП, ф.3, оп.1, д.10
2. АМЗТП, ф.3, оп.1, д.11
3. ГАТО ф.3 оп 44 д. 1146.
4. ГАТО ф.3 оп 44 д. 1144.
5. ГАТО ф.3 оп 44 д. 114.
6. Беликов, Д. Н. Первые русские крестьяне насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк за XVII и XVIII столетия): с приложением списка населенных мест Колыванской области за 1782 г. / проф. Д. Н. Беликов. – Томск: Типо-литография М. Н. Конова и И. Ф. Скулимовского, 1898. – С. 10, 24.
7. Беликов, Д. Н. Старинные монастыри Томского края / Д. Н. Беликов. – Томск, 1898.
8. Бородкина, М. Деревня Иткара Томского края / М. Бородкина // труды Томского краевого музея. – Томск, 1927. – Т. 1. – С. 3–5.
9. Емельянов, Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX вв. / Н. Ф. Емельянов // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII-начале XIX вв. – Томск, 1978. – С. 18, 36.
10. Кауфман, А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири / А. А. Кауфман. – Томск, 1894. – С. 7,8.
11. Крашенинников, С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы / С. П. Крашенинников. – М.-Л., 1966. – 241 с.
12. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства Томского округа. – Т. I. – Барнаул, 1899. – Вып. 1.
13. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства Томского округа. – Т. I. – Барнаул, 1899. – Вып. 2.
14. Список населенных мест Томской губернии по сведениям за 1859 год – Спб., 1868. – С. 11.
15. Список населенных мест Томской губернии на 1893 год. – Томск, 1893. – С. 302–303.
16. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. – Томск, 1911. – С. 14, 17, 74–75.
17. Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). – Томск, 1923. – С. 14.

Сокращения

АМЗТП – архив музея-заповедника «Томская Писаница»

МЗТП – музей-заповедник «Томская Писаница»

КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств

КемГУ – Кемеровский государственный университет

Е. А. Миклашевич

старший преподаватель кафедры археологии КемГУ,

А. Н. Мухарева

к. и. н., старший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница», доцент кафедры археологии КемГУ

Л. Л. Бове

магистрант кафедры археологии КемГУ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» в 2012—2014 гг.

Значительное место в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» занимают коллекции по наскальному искусству. Одним из важных направлений формирования петроглифического фонда музея-заповедника всегда оставалась организация собственных экспедиций на памятники наскального искусства с целью их изучения, копирования и фотофиксации. Подобная практика широко применялась в период с 1988 г. почти до конца 1990-х гг., когда музей в результате полевых исследований, осуществляемых научными сотрудниками, приобрел многочисленные коллекции копий петроглифов Притомья, Минусинской котловины и Казахстана [Мартынова и др., 1995; Русакова, 1997; Русакова, Баринова, 1997; Мухарева, Русакова, 2011]. К сожалению, с началом нового тысячелетия этот источник пополнения фондов был утрачен в связи с уходом специалистов и финансовыми трудностями. Как и многие другие бюджетные учреждения, музей переживал не лучшие времена, и вопрос об экспедициях не ставился. Ситуация изменилась в 2012 г., когда собственные полевые исследования были возобновлены. При финансовой поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области в 2012—2014 гг. петроглифическая экспедиция музея-заповедника «Томская Писаница» провела исследования памятников наскального искусства Притомья, Алтая, Хакасии, Тувы, юга Красноярского края и Монголии (цв. вкл., рис. 16). Результаты, полученные нами в ходе этих экспедиций, частично уже введены в научный оборот. Цель данной статьи – дать общие сведения о проведенных за последние три года полевых исследованиях и опубликовать некоторые материалы.

Экспедиция 2012 г. осуществлялась с 10 августа по 20 сентября на территории южной части Красноярского края, Тувы и Монголии. Кроме авторов статьи в работе на территории Монголии принимал участие А. К. Солодейников (Санкт-Петербург).

В Краснотуранском р-не Красноярского края проведено обследование известного памятника *Усть-Туба II* [Шер, 1980, с. 150—152; Blednova et al., 1995, pl. 34—40], расположенного на южном склоне горы Тепсей, на правом берегу Енисея в месте впадения в него р. Тубы, на ее правом берегу. В этом пункте крупного комплекса

наскального искусства Тепсей/Усть-Туба находятся чрезвычайно интересные изображения быков, культурно-хронологическая атрибуция которых не совсем ясна, но очевидно, что возраст их составляет не менее четырех тысяч лет. Нашей задачей было получение микалентных копий нескольких выразительных композиций для новой экспозиции Музея наскального искусства в составе музея-заповедника (рис. 1). Кроме копирования и фотофиксации ранее известных плоскостей, было расчищено от лишайника несколько других. В частности, выявлена и скопирована не отмеченная в публикации [Blednova et al., 1995] композиция с изображениями трех быков и человека, соединяющего руками двух из них [Миклашевич, 2013, рис. 1: 2]. Осмотрены и сфотографированы сохранившиеся после затопления Красноярским водохранилищем петроглифы местонахождения *Усть-Туба III*.

Рис. 1. Изображение быка. Эпоха бронзы. Микалентая копия. Усть-Туба, Красноярский край.

В Ермаковском р-не Красноярского края осмотрена *Иджимская писаница* с выполненными краской рисунками. Скальный массив с изображениями расположен у автодороги Р-257, все плоскости с рисунками сосредоточены в нижней его части. Выявлено семь плоскостей: на одной – изображения животных (олений, лосей?), на других – антропоморфные фигуры, линии, круг, а также неясные остатки краски. Писаница представляет большой интерес: выполненные краской изображения не часто встречаются в бассейне Енисея; памятник расположен между двумя большими ареалами наскального искусства – Минусинской котловиной и Тувой; фигуры животных (цв. вкл., рис. 19) трудно сопоставить по стилю с чем-либо еще, поэтому атрибуция памятника пока неясна.

Несколько местонахождений наскального искусства обследовано на территории Кызылского кожууна Республики Тыва.¹

Гора *Догээ* расположена близ г. Кызыл на правом берегу Енисея. Между горой и рекой протянулась обширная терраса *Догээ-Баары*, заполненная многочисленными разновременными археологическими памятниками, раскопки которых проводились К. В. Чугуновым, В. А. Киселем, Н. Н. Николаевым, С. В. Хавриным и др. Археологические и этнографические объекты обнаружены и на склонах самой горы [Кисель, Хаврин, 2010]. Целый ряд небольших разрозненных местонахождений и отдельных плоскостей был выявлен участниками археологических экспедиций разных лет на склонах, у подножия и во внутренних ущельях горы; отдельные из них публиковались. Наша группа была приглашена В. А. Киселем и С. В. Хавриным специально для планомерного исследования комплекса наскальных изображений горы *Догээ*. Было осмотрено и документировано несколько скоплений петроглифов в западной части горы. Это изображения различных животных, преимущественно козлов, фигуры оленей, верблюдов, хищника (?) и др. Они относятся предположительно к разным периодам I—II тыс. н.э., более точная атрибуция их – дело будущего. Одно из изображений – бык – относится к эпохе бронзы (рис. 2) [Килуновская, 2007, рис. 10: 7]. Большой отдельный камень у подножия горы с изображениями оленей в стиле оленных камней, а также другими животными, колесницей и ямочными углублениями можно отнести к кон. II – нач. I тыс. до н.э. [Наскальные..., 2007, рис. 179–184]. Сохранность рисунков в целом очень неудовлетворительная. Скальная корка во многих местах сильно разрушилась, имеется много трещин, отдельные изображения сохранились фрагментарно.

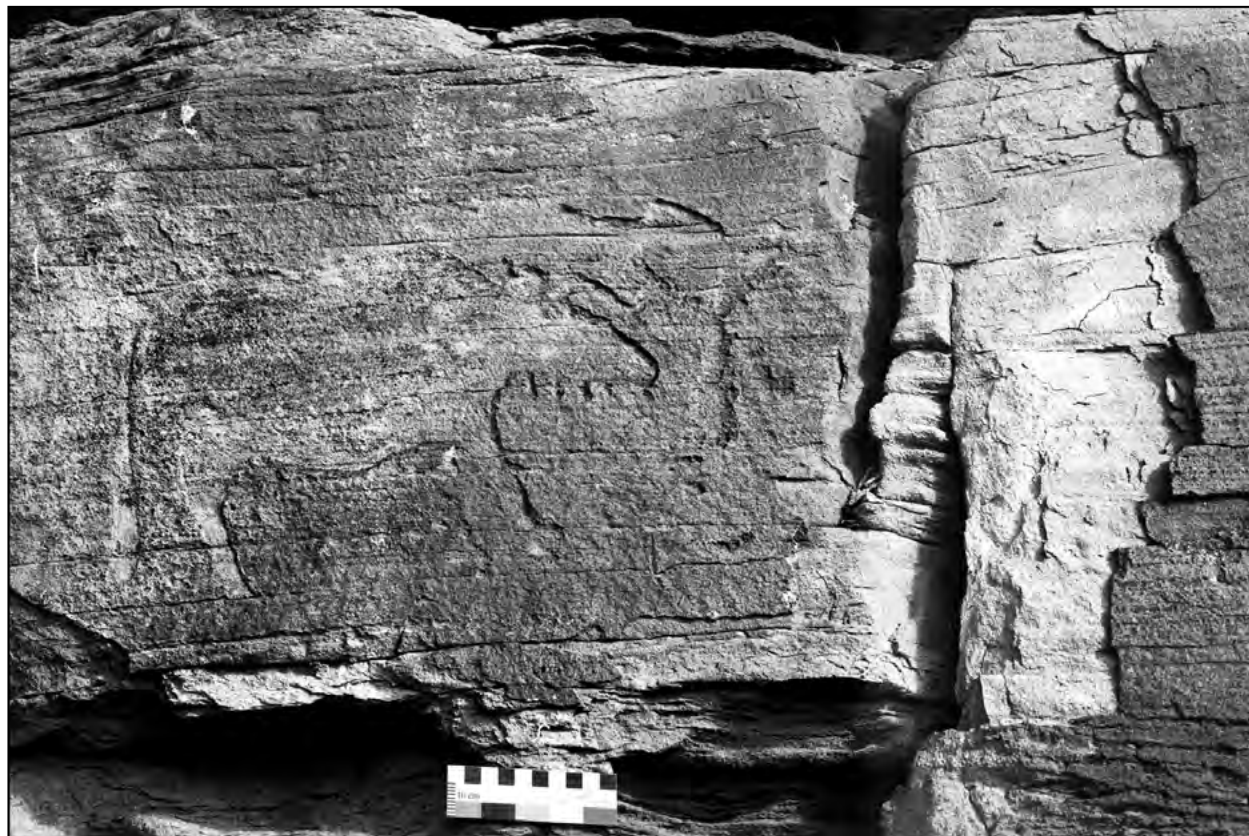

Рис. 2. Изображение быка. Эпоха бронзы. Гора *Догээ*, Тува.

1. Выражаем благодарность М. Е. Килуновской, Л. Д. Чадамба, В. А. Киселю, С. В. Хаврину за приглашение к работе с памятниками наскального искусства Тувы и помощь в исследовании петроглифов горы *Догээ*, Малого Баянкола и Эрбека.

Один из самых известных памятников Тувы – *Малый Баянкол*, расположенный на окраине г. Кызыла, в районе современного дачного поселка. Впервые эти петроглифы были обследованы еще А. В. Адриановым в 1881 г. [Дэвлет, с. 134–144] и по-прежнему вызывают интерес у исследователей [Чадамба, 2009]. Изображения – медведь, лось, верблюды, олени, косули, козлы, всадники, антропоморфные персонажи, тамги – выбиты и вышлифованы на отвесных плоскостях южного склона горы, обращенного к Енисею. Фигуры животных отличаются очень крупными размерами: например, фигура бегущего лося – более 2 м в длину. Датировка изображений: позднескифское и хунно-сяньбийское время (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.). Сохранность памятника неудовлетворительная: значительная часть петроглифов погибла при добыче камня для строительных работ, а также по естественным причинам. Фрагменты камней с изображениями лежат на склоне и у подножия горы (рис. 3). Расположение памятника – на невысоких скалах и вблизи города – привлекает большое количество посетителей, оставляющих на скальных плоскостях с петроглифами многочисленные «автографы».

Рис. 3. Фрагменты каменных блоков с петроглифами хуннского времени.
Малый Баянкол, Тува.

Вблизи пос. Эрбек на правом берегу Енисея осмотрены петроглифы в четырех пунктах: *Эрбек I, II, III* и *IV*. Три из них были обследованы А. В. Адриановым в 1915 г. [Дэвлет, 1996, с. 215], еще один пункт выявлен М. Е. Килуновской в 1990-х гг. [Килуновская, 1995]. Наибольший интерес представляет крупное местонахождение петроглифов на берегу Енисея в непосредственной близости от пос. Эрбек. Здесь сосредоточено несколько десятков плоскостей с изображениями оленей, верблюдов, всадников, выполненных в характерной изобразительной манере хунно-сяньбийского времени (рис. 4). К сожалению, памятник находится в ужасном состоянии: петроглифы испорчены крашеными и выбитыми надписями, современными рисунками, нанесенными поверх древних; уже имеющиеся граффити провоцируют любителей

Рис. 4. Изображение бегущего оленя. Хуннское время. Ээрбек, Тува.

«автографов» на создание новых. Документирование этого местонахождения (которое пока никем полностью не осуществлено) могло бы внести существенный вклад в изучение истории Тувы и Минусинской котловины начала I тысячелетия н.э., хотя и будет весьма затруднено из-за многочисленных современных надписей и рисунков.

Объекты наскального и монументального искусства Тувы были также осмотрены и сфотографированы на местах раскопок, в музеях г. Кызыл и районного центра Туран.

В Монголии маршрут экспедиции проходил по территории Убсунурского, Ховдского, Гоби-Алтайского, Баянхонгорского, Архангайского, Булганского, Увюрхангайского и Центрального аймаков. Задачи экспедиции этого этапа были разноплановыми, а программа насыщенной: 1) осмотр разных видов археологических памятников Монголии (петроглифы и пещерное искусство, эпиграфика, оленные камни, тюркские мемориалы и отдельные изваяния, херексуры, оградки, курганы и др.); 2) посещение музеев и музеефицированных объектов, памятников из Списка всемирного наследия ЮНЕСКО, изучение опыта экспонирования памятников древнего искусства и эпиграфики; 3) участие в работе конференции «Древности Монголии и Байкальской Сибири» в Улан-Баторе; 4) сбор материалов для новой экспозиции Музея наскального искусства музея-заповедника «Томская Писаница».

Специальное внимание мы уделили памятникам с древнейшими наскальными изображениями: это хорошо известные росписи в пещере *Хойт-Цэнкер* (цв. вкл., рис. 18) и петроглифы на горе *Ишгэн толгой* (рис. 5). Оба памятника находятся на территории Ховдского аймака, многие исследователи датируют и тот, и другой верхним палеолитом [Окладников, 1972; Дорж, 2007, с. 62; Цэвээндорж и др., 2008, 49—53; Эрдэнэбаатар, 2009, с. 113 и др.].

Пещера Хойт Цэнкер расположена в 25 км к юго-западу от Манхан сомона на западном склоне одного из ущелий, по правому берегу р. Хойт Цэнкер. В нескольких десятках метров от пещеры установлен шлагбаум, закрывающий проезд по дороге,

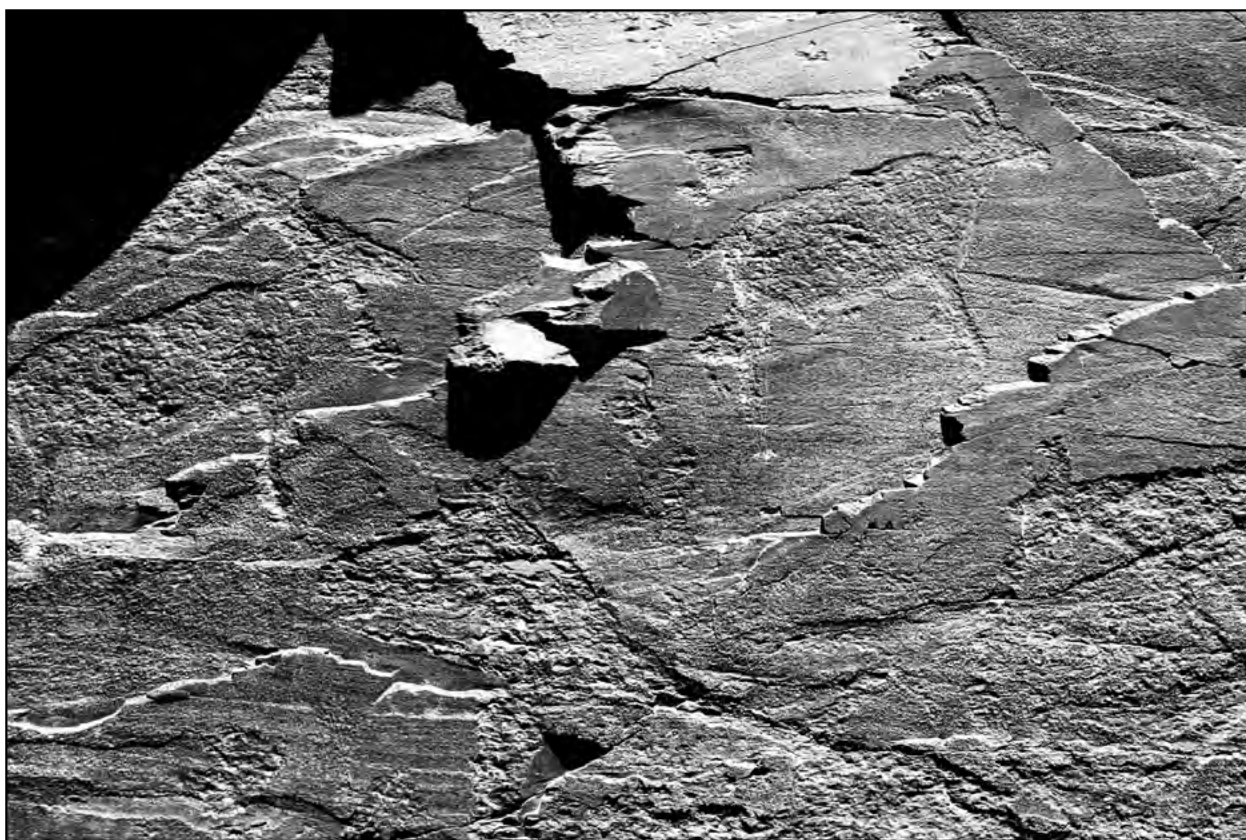

Рис. 5. Изображения дикой лошади и козерогов. Датировка неясна. Ишгэн толгой, Монголия.

недалеко от которого расчищена небольшая площадка для парковки автомобилей и установлен информационный щит. Подъем к пещере вымощен камнем. Посещение платное. Туристов в пещеру сопровождает гид, который показывает рисунки. Внутри пещеры выложены камнем тропинки к нишам с рисунками. Прийти к какому-то мнению в дискуссии о возрасте росписей Хойт Цэнкер агуи исследователям, видимо, не удастся уже никогда: большая часть древних изображений подведена разнообразными красками, карандашами, фломастерами, мелом, углем; посетители видят не первоначальные контуры изображений, которые в настоящее время уже почти не прослеживаются, а эти «подводки».

Памятник Ишгэн толгой, расположенный на территории Манхан сомона, представляет собой невысокую отдельно стоящую гору, скальные выходы которой буквально заполнены многочисленными петроглифами. Рисунки выбиты, прошлифованы и гравированы преимущественно на горизонтальных или слегка наклонных, редко вертикальных плоскостях. Изображены дикие лошади, быки-туры, олени, архары, козлы, хищники, верблюды и др. Петроглифы Ишгэн толгой представляют большой научный интерес в связи с проблемой датировки древнейшего пласта петроглифов Монголии и Саяно-Алтая. Они, несомненно, не моложе эпохи ранней бронзы, но насколько древние – пока ответить невозможно. Отметим высокие художественные качества изображений, а также то, что здесь изображены вымершие или изменившие ареал животные. Стилистически это, по всей вероятности, тот же самый пласт, который представлен в росписях Хойт Цэнкер агуи. В какой-то степени изображения Ишгэн толгой сопоставимы с древнейшими изображениями Алтая и «минусинским стилем» Минусинской котловины. На памятнике есть петроглифы и более поздних периодов. Состояние его нельзя назвать удовлетворительным: отдельные грани

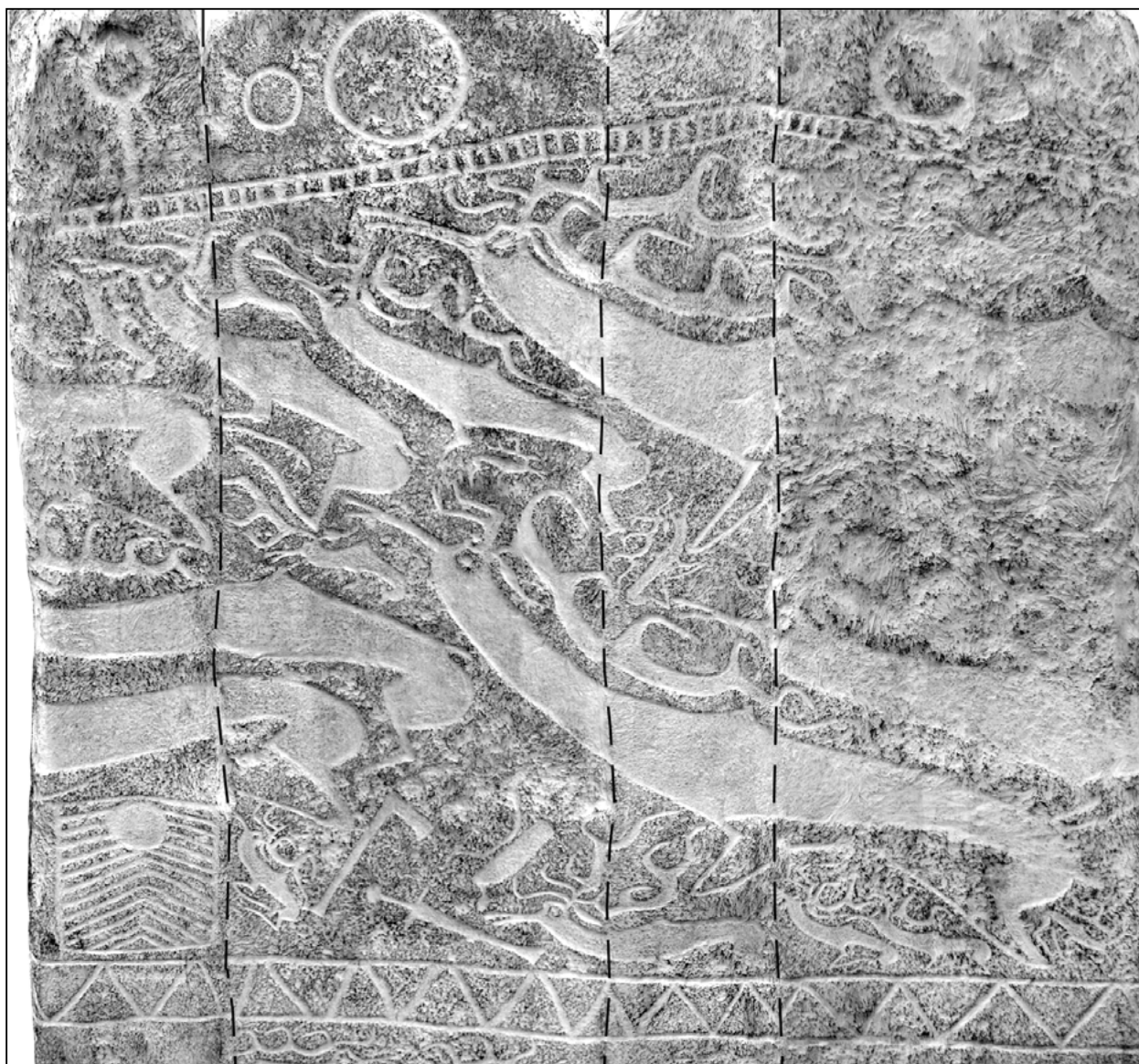
с изображениями частично скрыты под осыпями из мелкого камня, некоторые фигуры сильно разрушены из-за выветривания и растрескивания скальной породы.

Наскальные изображения более поздних эпох были обследованы и сфотографированы в других местах долины реки Хойт Цэнкер. Также в *Баян-Хонгорском* аймаке обнаружено местонахождение петроглифов, выбитых на обломках породы вулканического происхождения, на трех рядом стоящих горках, которое, насколько нам известно, до сих пор в литературе не фигурировало. Наибольший интерес здесь представляют несколько многофигурных композиций, выполненных в стиле оленных камней с изображениями оленей, козерогов и хищников (рис. 6).

Рис. 6. Изображения оленей, козерогов и хищников, выполненные в стиле оленных камней. Начало I тыс. до н.э. Баянхонгорский аймак, Монголия.

Оленные камни осматривались и фотографировались нами по всему маршруту экспедиции, чаще всего в музеях, либо перемещенными в населенные пункты. Среди находящихся *in situ* комплексов оленных камней два в Архангайском аймаке нам удалось обследовать достаточно подробно. Один комплекс расположен в местности *Хушуутийн тал*. Изваяния стоят по обе стороны дороги из сомонного центра Батцэнгэл в сомонный центр Хайрхан на левом берегу р. Хуннуй. Другой – в местности *Хавцалийн ам*, севернее сомонного центра Ихтамир, на левом берегу р. Хойд-Тамир. Обе группы представлены в известном своде по оленным камням Монголии [Волков, 2002; с. 42, 43; табл. 16, 2; 23, 1; с. 35, табл. 3, 2], но не полностью. Нам удалось провести фотосъемку всех объектов комплексов, при этом в местности Хушуутийн тал при наиболее выигрышном естественном освещении каждой грани каждого оленного камня (съемка производилась в течение двух суток); кроме того, была осуществлена ночная фотосъемка при искусственном освещении; два камня скопированы методом эстампирования на микалентную бумагу (рис. 7). Такое документирование позволило уточнить некоторые детали имеющихся прорисовок и выявить новые изображения

*Рис. 7. Изображения на четырех гранях оленного камня.
Микалентная копия-развертка. Хушуутийн тал, Монголия.*

[Миклашевич и др., 2014]. Интересно отметить, что один из исследованных камней (цв. вкл., рис. 17) уже много лет экспонируется в Музее наскального искусства Азии в составе музея-заповедника «Томская Писаница» в виде копии из папье-маше, изготовленной 20 лет назад одним из авторов статьи по фотографии и прорисовкам В. В. Волковым.

В разных аймаках и некоторых музеях осмотрены многочисленные памятники древнетюркской эпохи: курганы, каменные оградки, изваяния (фигуры людей и зверей), стелы с руническими письменами, цепочки камней-балбалов. Наиболее интересными являются комплексы этих памятников, так называемые древнетюркские мемориалы. Мы осмотрели знаменитую стелу в честь *Тоньюкука*, установленную на месте раскопок мемориала. Посетили музей *Хушо Цайдам*, в экспозиции которого представлены материалы, полученные в результате раскопок мемориалов в честь Бильге кагана и Кюль тегина: стелы с надписями и тамгами, каменные изваяния людей и животных, реконструкции каменных ящиков с орнаментированными стенками, золотые и серебряные вещи из клада. В настоящее время недалеко от музея, непосредственно на месте раскопок ведется установка копий стел с целью вос-

Рис. 8. Поврежденное изваяние. Древнетюркский мемориал Шивеет Улаан, Монголия.

создания первоначального вида этих мемориальных комплексов. Был обследован также мемориал *Шивеет Улаан* с большой серией великолепных скульптур (рис. 8). Изваяния людей и животных и другие образцы тюркского камнерезного искусства осмотрены на территории действующего монастыря *Эрдэнэ Зуу* и в Национальном парке и музее природы *Богдо хаан уул*, созданных на месте разрушенного монастыря Манзушир недалеко от населенного пункта Зуунмод. Одно из изваяний, экспонируемых в парке Богдо хаан уул, представляет собой древнетюркскую скульптуру, выполненную на основе оленного камня. Чтобы выявить детали первоначального изваяния, была проведена фотофиксация каждой грани в ночных условиях с применением дистанционной вспышки по методу серийной съемки с меняющимся освещением [Солодейников, 2014, с. 112, 113] (рис. 9).

Экспедиция 2013 г. осуществлялась в период с 1 июля по 20 сентября на территории Горного Алтая, юга Красноярского края, Хакасии и Притомья.

Исследование памятников наскального искусства Алтая проводилось в сотрудничестве с Д. В. Черемисиным. Документирован ряд сложных в технологическом и композиционном аспекте плоскостей на памятниках *Торгун* и *Калбак-Таш II* в Онгудайском р-не Республики Алтай, на нескольких местонахождениях по берегам р. *Чаган* и на горе *Жалгыс-Тобе* в Кош-Агачском р-не. Отрабатывалась методика фотосъемки больших многофигурных плоскостей отдельными фрагментами с последующим монтажом полученных кадров в единое изображение, обладающее высоким разрешением и превосходящее реальные размеры плоскости в несколько раз, с целью последующего цифрового прорисовывания выявленных мелких деталей по увеличенному фотоизображению [Черемисин и др., 2013]. По этой методике было документировано несколько разновременных композиций-палимпсестов, в основном выполненных в технике гравировки. Выявлен ряд композиций каракольской культуры, целая серия тончайших детализированных древнетюркских рисунков (рис. 10), а также изображения других эпох.

Кроме того, объекты древнего искусства Алтая (курганные плиты, стелы, изваяния, мелкая пластика и др.) изучались и фотографировались в музеях Горно-Алтайска, Барнаула, Новосибирска.

Продолжались работы по документированию памятников наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины, начатые авторами в предыдущие годы.

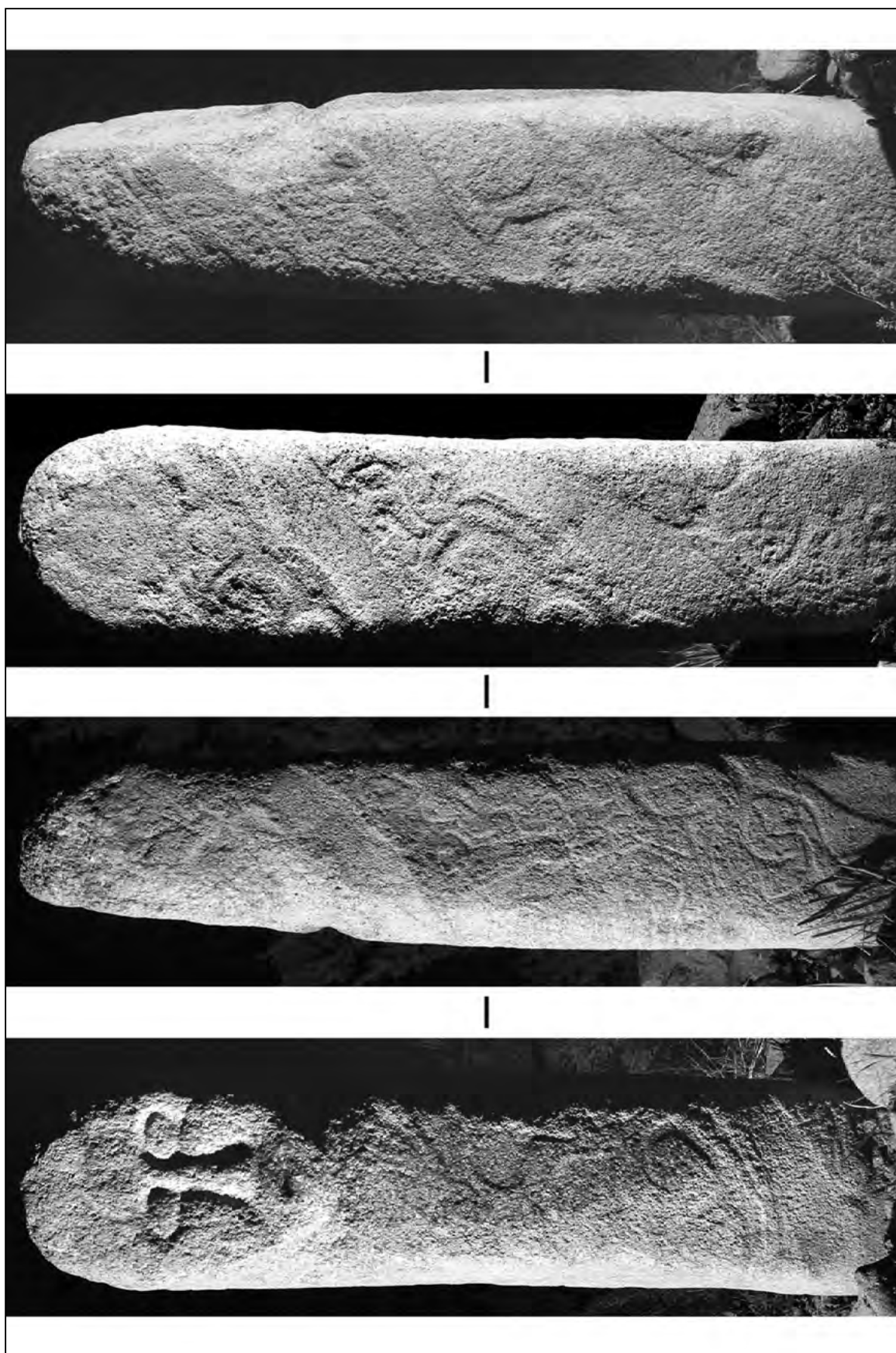

Рис. 9. Изображения на четырех гранях оленного камня, переданного в древнетюркское изваяние. Ночная фотосъемка. Национальный парк Богдо хаан уул, Монголия.

Рис. 10. Гравированные изображения разных эпох, перекрывающие друг друга. Изображение оседланной лошади относится к древнетюркскому времени. Чаган, Горный Алтай.

В Новоселовском р-не Красноярского края исследования проводились на комплексе *Улазы*, расположенном на правом берегу Енисея. Документировались выявленные ранее изображения на вертикальных плоскостях (рис. 11), но основные работы были связаны с расчисткой от лишайника изображений, нанесенных на горизонтальные поверхности скальных выходов на вершинах кряжей [Мухарева, 2014а; 2014б]. В Минусинской котловине случаи нанесения петроглифов на горизонтальные плоскости чрезвычайно редки, поэтому обнаружение на Улазах более двух десятков подобных объектов можно считать настоящим открытием. К сожалению, все они были покрыты толстым слоем лишайников, не только скрывающим рисунки, но и постепенно уничтожающим их. На расчищенных плитах (рис. 12) выявлены многофигурные композиции и одиночные изображения: среди них фигуры животных, антропоморфные персонажи – конные или пешие, своеобразные древовидные фигуры, а также изогнутые линии. Петроглифы различаются по стилю и технике исполнения, есть случаи палимпсестов, но плохая сохранность изображений не позволяет проследить последовательность перекрывания. Хронологическая атрибуция выявленных стилистических групп (отличающихся от того, что ранее было известно на памятнике) пока остается неясной.

В Орджоникидзеvском р-не Республики Хакасия продолжалось документирование наскальных рисунков комплексов *Сулек* (Сулек IV–VI) и *Сульфатные горы* (пункт Мертвый Лог) [Миклашевич, Бове, 2014], проведено полное обследование и фотофиксация петроглифов на р. *Печище*. Завершено исследование памятника *Изырых-Тас* в Аскизском р-не.

В связи с образованием в последние годы в разных районах Республики Хакасия целой сети муниципальных музеев под открытым небом, экспонирующих памятники наскального искусства, была предпринята специальная поездка с целью ознакомления с деятельностью этих музеев. Мы посетили следующие: 1) музей под открытым

Рис. 11. Антропоморфные фигуры и всадник на бегущей лошади. I тыс. н.э. Улазы, Красноярский край.

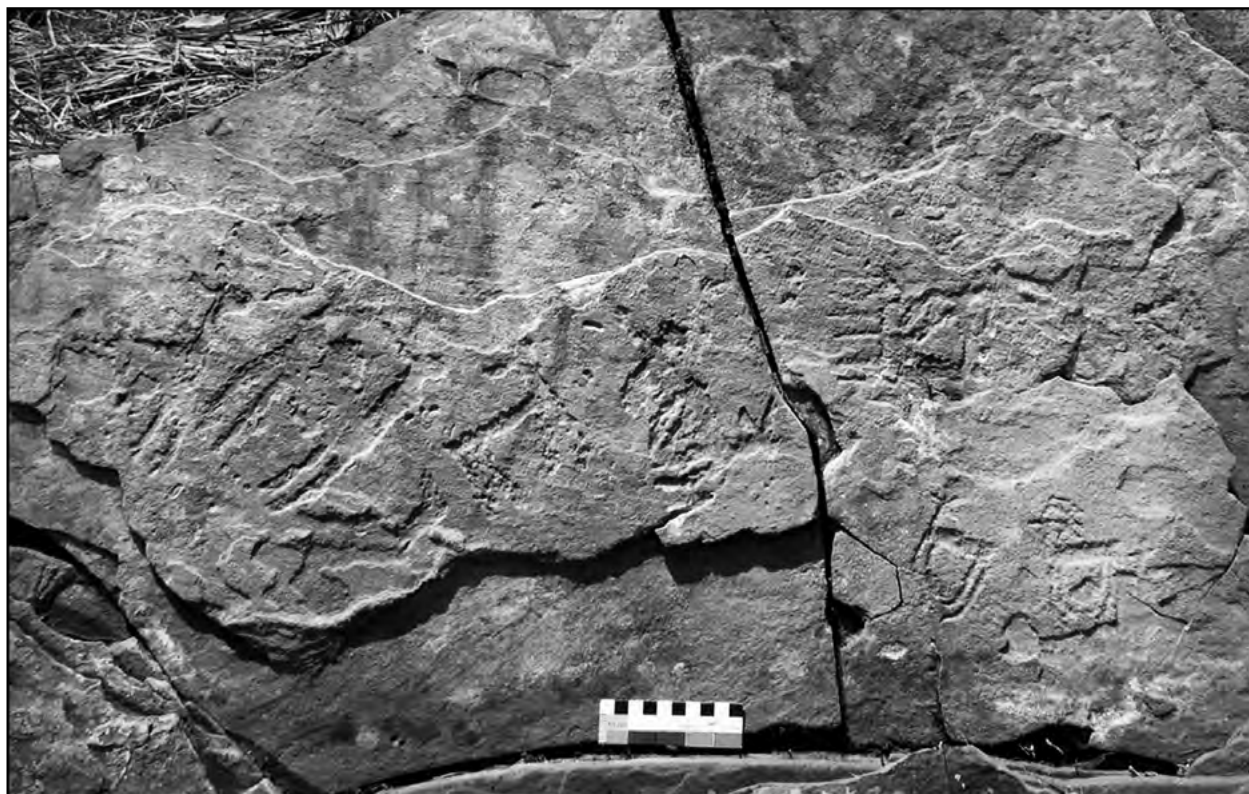

Рис. 12. Изображения на расчищенных от лишайника горизонтальных плитах. Датировка неясна. Улазы, Красноярский край.

небом «Малоарбатский писанец» в Таштыпском р-не; 2) музей под открытым небом «Усть-Сос» в Бейском районе; 3) филиалы краеведческого музея с. Копьево «Сулекская писаница» и «Сундуки» в Орджоникидзевском р-не; 4) Археологический парк в Ширинском районе (*Грот Проскурякова*). Декларируется также создание музея на Боярских писаницах, но пока на этом памятнике ничего не музеефицировано и охрана не осуществляется. На большинстве перечисленных объектов словом «музеефикация» называется лишь туристическое использование памятников; нигде не проводится их изучение, документирование, сохранение; памятники совершенно не подготавливались к посетительской нагрузке; не все из них даже охраняются. Тем не менее, несмотря на многочисленные проблемы (анализу которых посвящена специальная публикация [Миклашевич, 2013]), набирающий темпы процесс музейного освоения памятников наскального искусства в Хакасии можно только приветствовать. Думается, что для сотрудников новых музеев было бы полезным знакомство с опытом музея-заповедника «Томская писаница».

В Яшкинском р-не Кемеровской области проводилось обследование ранее изученных памятников, это *Тутальская, Никольская и Новоромановские писаницы, Висячий камень, Крутая*. В задачи работы входили: оценка состояния сохранности этих местонахождений, замеры координат и картографирование, фотофиксация. На Тутальской писанице одна из плоскостей (№ 4 по индексации И. Д. Русаковой [Ковтун, Русакова, 2013]) расчищена от лишайника и мха, для двух плоскостей (№№ 4 и 5) проведено документирование состояния и повреждений (рис. 13: 1). На местонахождении Висячий камень обнаружено еще одно изображение маски-личины (рис. 13: 2).

Экспедиция 2014 г. осуществлялась в период с 21 июня по 20 сентября на территории Притомья, юга Красноярского края, Хакасии и Алтая. В экспедиции на разных этапах принимали участие Л. В. Зоткина, К. В. Конончук, А. К. Солодейников, А. В. Техтереков.

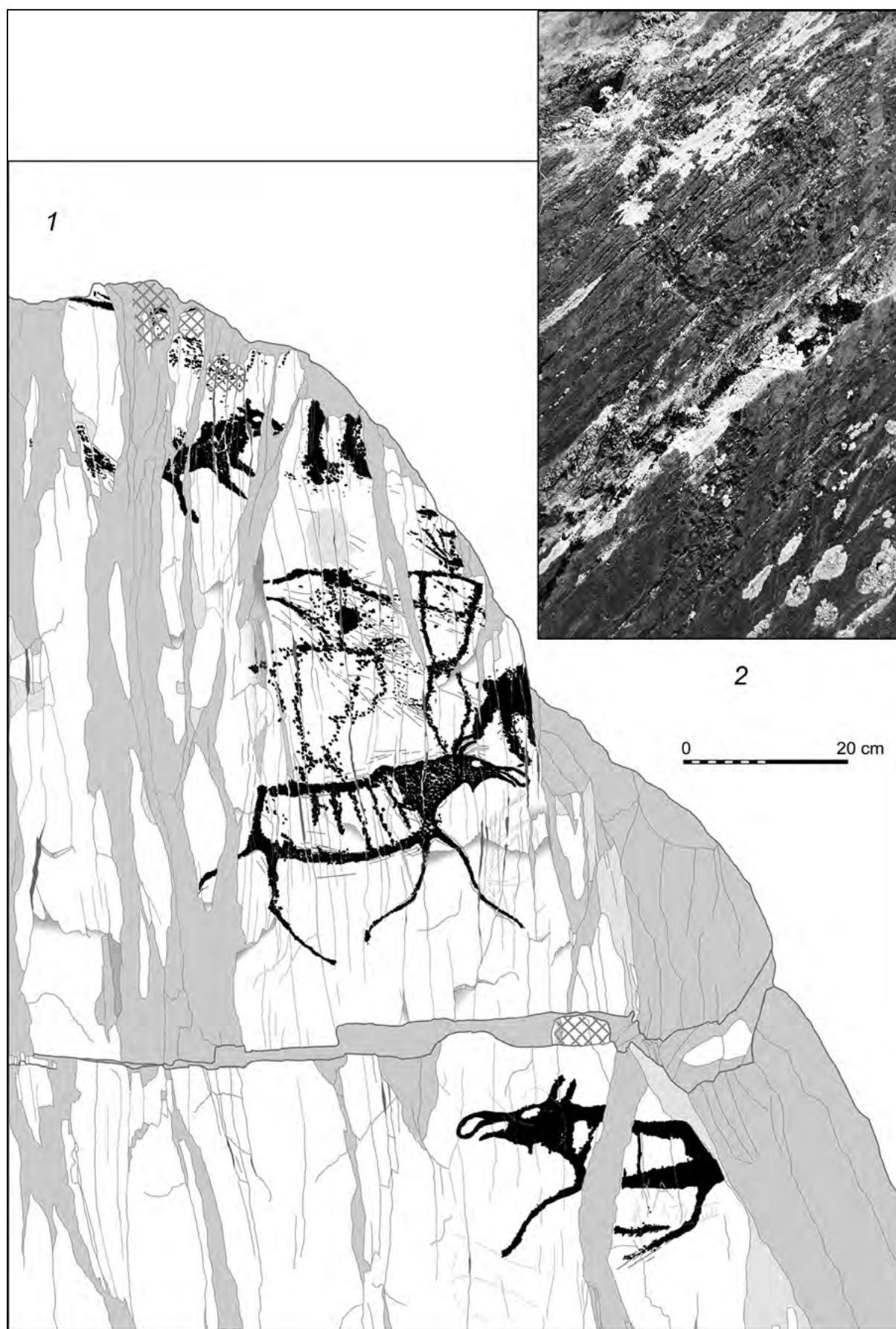

Рис. 13. 1 – Картограмма, показывающая результаты документирования состояния плоскости № 4, Тутальская писаница, р. Томь; 2 – изображение маски-личины, обнаруженное на памятнике Висячий Камень, р. Томь.

Для обследования Томской писаницы и разработки рекомендаций по ее сохранению были приглашены из Санкт-Петербурга специалист по реставрации камня и мониторингу состояния объектов наследия С. Б. Щигорец (Архитектурно-реставрационная мастерская «КИФ») и специалист по биообрастанию камня Д. Ю. Власов, д-р биол. наук, профессор (СПбГУ). Они были ознакомлены с памятником и ранее предпринятыми реставрационно-консервационными мероприятиями. Осуществлена фотосъемка скального массива с петроглифами с высоты птичьего полета с помощью квадрокоптера. Разработана программа дальнейшей реставрации памятника. Состоялась также поездка на Тутальскую и Новоромановскую писаницы, где осуществлялась фотосъемка плоскостей с рисунками и скального массива, обсуждались программы мониторинга состояния памятников, варианты их консервации.

В Минусинском районе Красноярского края продолжалось документирование петроглифов на горе *Суханиха*. Основное внимание было уделено изучению техники нанесения изображений древнейшего пласта – «минусинского стиля». Проводились экспериментально-трассологические исследования техники выбивания изображений с помощью каменных орудий. В этом же районе заново обследована *Кавказская писаница* [Леонтьев, Боковенко, 1985], представляющая собой редкий случай применения краски для нанесения рисунков, относящихся к хунно-сяньбийскому времени. Была проведена фотофиксация крашенных рисунков, замерены координаты и сделаны описания плоскостей; обнаружены неотмеченные ранее гравированные изображения. Поблизости от писаницы в 2006 г. мы проводили эксперимент по нанесению изображений краской, полученной путем размельчения найденного здесь же гематита, смешанного с простой водой, без какого-либо связующего. Рисунки и надписи были нанесены на вертикальную плоскость, не прикрытую скальным карнизом. В результате через 8 лет на скале не осталось ничего; мы смогли определить место нанесения изображений только по конфигурации плоскости. Полагаем, этот эксперимент был не бесполезен в свете дискуссий о том, применялось ли органическое связующее при использовании минеральных пигментов для наскальной живописи.

В Боградском р-не Республики Хакасия основные исследования проводились на территории Государственного природного заповедника «Хакасский». Здесь, на левом берегу Енисея, в горном массиве *Оглахты* расположен крупнейший комплекс местонахождений наскального искусства. Исследование его было возобновлено после многолетнего перерыва. Наиболее интересные результаты принесло обследование береговых скал, где подавляющее большинство изображений или затоплены водохранилищем, или засыпаны осыпями, или безвозвратно утрачены. Осмотр плоскостей, находящихся выше уровня воды, с лодки и с помощью бинокля позволил обнаружить целый ряд неизвестных ранее композиций и отдельных образов (рис. 14). Они относятся к самому раннему пласту наскального искусства Минусинской котловины, несомненно, древнее эпохи бронзы, хотя абсолютный их возраст пока дискутируется. Состав изображенных животных (лоси, благородные олени, дикие лошади, дикие быки-туры, архары, кабаны, медведи, которые в настоящее время на этой территории не обитают или относятся к вымершим видам), а также состояние сохранности плоскостей и их топография – все это свидетельствует в пользу глубокой древности данного пласта. Проводилось документирование обнаруженных изображений, а также их трассологическое исследование. Аналогичные работы были проведены в отношении и других местонахождений комплекса *Оглахты*, находящихся в глубине горного массива.

Помимо исследования изображений на скалах, осуществлялись работы по поиску и фотофиксации рисунков на курганных плитах в Новоселовском и Краснотуранском районах Красноярского края, Аскизском и Боградском районах Республики Хакасия. В могильнике на горе *Туран* была обнаружена отколовшаяся от своего основания

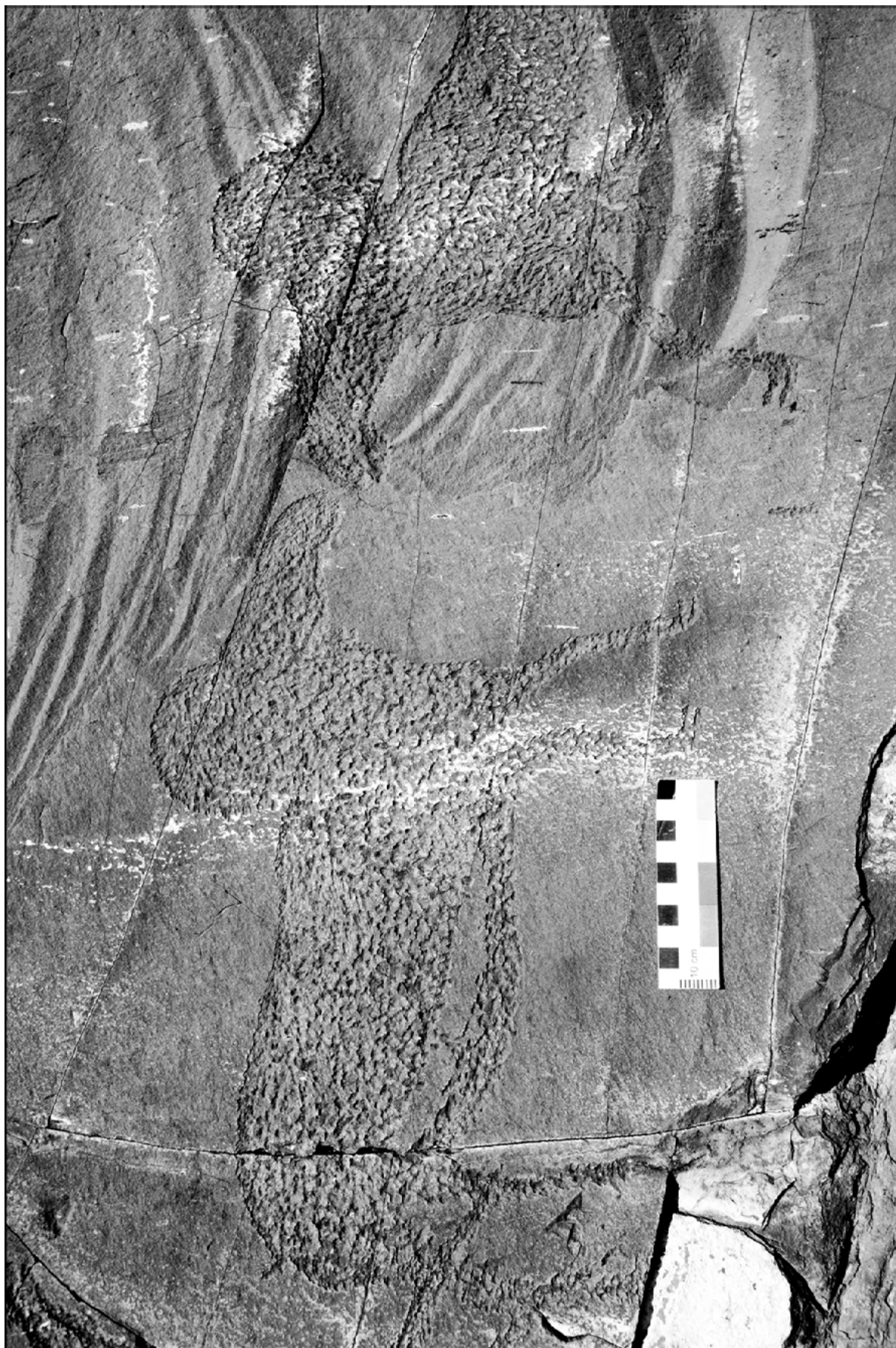

Рис. 14. Изображения архаров (?). Датировка неясна. Оглахты, Хакасия.

Рис. 15. Изображения животного и антропоморфных фигур на плите кургана тагарской культуры. Могильник Туран, Красноярский край.

плита с изображением хищника (рис. 15), которой грозило падение рисунками вниз и скорое задреновывание (как это часто случается). Для спасения плиты было решено вывезти ее с памятника и передать в фонды музея-заповедника.

Изучение рисунков на курганных плитах предоставляет большие возможности для уточнения датировок изображений на скалах, но, к сожалению, сопряжено с тяжелой работой по удалению покрывающих их лишайников. Такая работа была нами начата и в Музее под открытым небом в с. *Полтаков* (Аскизский р-н), где с 1989 г. хранится уникальная коллекция, состоящая из 90 плит с изображениями, вывезенных из раскопанных в районе курганов. Плиты в музее тоже не избежали вредного воздействия лишайников, который покрывает их так густо, что порой изображения не видны совершенно. Мы решили начать документирование и каталогизацию плит в Полтаковском музее, а для этого пришлось предварительно заняться удалением лишайника. За сезон 2014 г. с помощью студентов-практикантов КемГУ и отряда под руководством О. С. Советовой удалось полностью расчистить 20 плит. Все они были сняты для последующего создания цифровых прорисовок, а также скопированы на микалентную бумагу для формирования соответствующей коллекции с последующей передачей ее в фонды музея-заповедника «Томская Писаница».

В Онгудайском р-не Республики Алтай было продолжено исследование памятника *Торгун*, расположенного близ дер. Бичикту-Бом на правом берегу р. Каракол. По специальной методике сфотографированы ранее обнаруженные плоскости, выявлена серия тонких детализированных гравированных рисунков древнетюркской эпохи. Полевые работы на памятнике завершены; всего выявлено 70 плоскостей с изображениями, выполненными в разной технике, относящимися к разным периодам – от каракольской культуры эпохи бронзы до этнографической современности.

* * *

В заключение необходимо отметить, что в результате трех плодотворных полевых сезонов петроглифической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» были получены уникальные в научном плане материалы, сформирован огромный фотоархив по всем перечисленным памятникам, сделаны микалентные копии наскальных рисунков, изображений на курганных плитах и оленных камнях, которые пополнят фонды музея и украсят будущую экспозицию Музея наскального искусства.

Литература

1. Волков, В. В. Оленные камни Монголии / В. В. Волков. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
2. Дорж, Д. Периодизация наскальных изображений Монголии / Д. Дорж – Эрдэм шинжилгээний өгуулэл, илтгэлийн эмхэтгэл. – Улаанбаатар хот: Монгол улс шинжлэх ухааны академи археологийн хурээлэн, 2007. – 62–65-р тал.
3. Дэвлет, М. А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.) / М. А. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 1996. – 250 с.
4. Килуновская, М. Е. Петроглифы на правом берегу Улуг-Хема / М. Е. Килуновская // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1995. Вып. XVIII – С. 166–169.
5. Килуновская, М. Е. Рисунки на скалах Тувы / М. Е. Килуновская // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 77–114.

6. Кисель, В. А., Хаврин, С. В. Гора Догээ как археологический и этнографический памятник Тувы / В. А. Кисель, С. В. Хаврин // Ученые записки ТИГИ. – Кызыл: ТИГИ, 2010. – Вып. XXII. – С. 87—94.
7. Ковтун, И. В., Русакова, И. Д. Тутальская писаница / И. В. Ковтун, И. Д. Русакова // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2013 – № 1 (7). – С. 4—29.
8. Леонтьев, Н. В., Боковенко, Н. А. Кавказская писаница на Тубе / Н. В. Леонтьев, Н. А. Боковенко // Краткие сообщения Института археологии. – 1985. – № 184. – С. 82—88.
9. Мартынова, Г. С., Мартынов, А. И., Русакова, И. Д. Полевые исследования музея-заповедника «Томская Писаница» / Г. С. Мартынова, А. И. Мартынов, И. Д. Русакова // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 75.
10. Миклашевич, Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012—2013 годах / Е. А. Миклашевич // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 255—259.
11. Миклашевич, Е. А. Музеефикация памятников наскального искусства в Республике Хакасия / Е. А. Миклашевич // Российская археология. – 2014. – № 3. – С. 111—122.
12. Миклашевич, Е. А., Бове, Л. Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования / Е. А. Миклашевич, Л. Л. Бове // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 75—79.
13. Миклашевич, Е. А., Мухарева, А. Н., Бове, Л. Л., Солодейников, А. К. Некоторые результаты исследования оленных камней и наскальных изображений в Центральной Монголии в 2012 г. / Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, Л. Л. Бове, А. К. Солодейников // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: АлтГУ, 2014. – С. 76—83.
14. Мухарева, А. Н. Расчистка наскальных рисунков комплекса Улазы от лишайников: предварительные результаты / А. Н. Мухарева // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 139—141.
15. Мухарева, А. Н. Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины / А. Н. Мухарева // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Том IV. – С. 83—84.
16. Мухарева, А. Н., Русакова, И. Д. Петроглифические коллекции в фондах музея-заповедника «Томская писаница» / А. Н. Мухарева, И. Д. Русакова // Наскальное искусство в современном обществе: (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): материалы международной науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011 – Т. 1 (Труды САИПИ. Вып. VIII). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 148—152.
17. Наскальные изображения Центральной Азии. – Сеул: Нац. исслед. ин-т культ. наследия, 2007. – 356 с.
18. Окладников, А. П. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства / А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.
19. Русакова, И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее / И. Д. Русакова // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 101—112.
20. Русакова, И. Д., Баринаова, Е. С. Новые петроглифы на Томи / И. Д. Русакова, Е. С. Баринаова // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 64—77.

21. Солодейников, А. К. Особенности и возможности фотосъемки каменных изваяний / А. К. Солодейников // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: АлтГУ, 2014. – С. 110–115.
22. Цэвээндорж, Д., Баяр Д., Цэрэндагва, Я., Очирхуяг, Ц. Археология Монголии / Д. Цэвээндорж, Д. Баяр, Я. Цэрэндагва, Ц. Очирхуяг – Улаанбаатар: Институт археологии АН Монголии, 2008. – 239 с.
23. Чадамба, Л. Д. Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тува) / Л. Д. Чадамба // Новые исследования Тувы. 2009. – № 3 [Электронный информационный журнал. www.tuva.asia (дата обращения 3.03.2015)].
24. Черемисин, Д. В., Миклашевич, Е. А., Бове, Л. Л. Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году / Д. В. Черемисин, Е. А. Миклашевич, Л. Л. Бове // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369–373.
25. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
26. Эрдэнэбаатар, Д. Краткий очерк археологических исследований в Монголии / Д. Эрдэнэбаатар // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 113–148.

Сокращения

АлтГУ – Алтайский государственный университет
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИрГТУ – Иркутский Государственный технологический университет
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТИГИ – Тувинский институт гуманитарных исследований
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

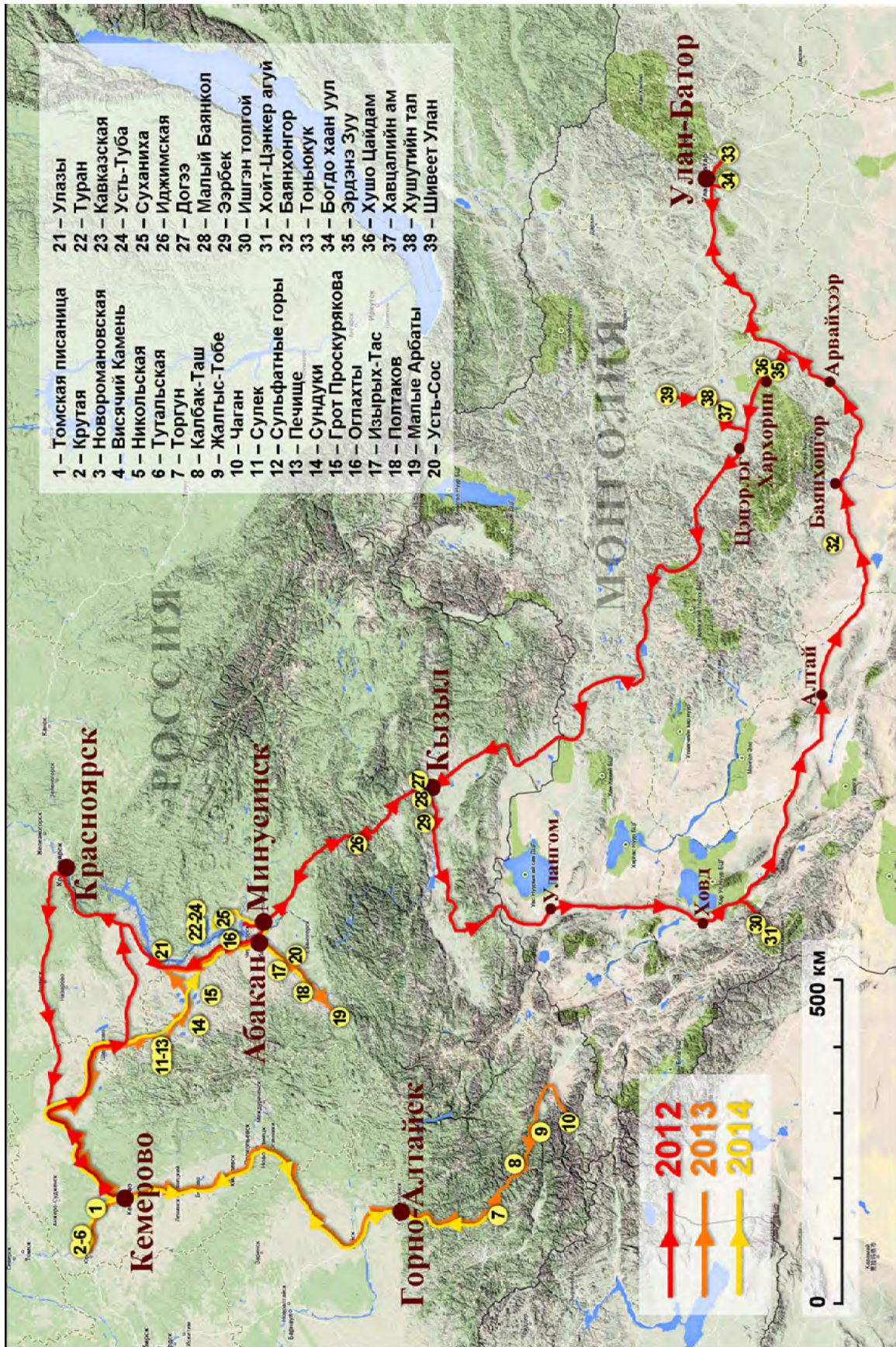

Рис 16. Карта маршрутов петроглифических экспедиций 2012–2014 гг. с указанием основных объектов исследований.

Рис 17. Олений камень в местности Хушуутийн тал, Монголия.

Рис 18. Выполненные краской изображения на стенах пещеры Хойт-Цэнкер, Монголия.

Рис 19. Выполненные краской изображения Иджимской писаницы, Красноярский край.

А. Г. Марочкин

к.и.н., научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека
СО РАН,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Кемеровского государственного университета

Л. В. Панкратова

к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии Томского
государственного педагогического университета

К. В. Конончук

старший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница»

А. Ю. Юракова

научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека
СО РАН,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела Кемеровского
государственного университета,
аспирант лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

I. Пополнение археологической коллекции музея-заповедника «Томская Писаница»

В фондах музея-заповедника «Томская Писаница» имеется уникальная коллекция нижнетомских древностей, всего 140 единиц хранения. В ней представлены материалы памятников: Брусвянка-2,3, Долгая-1, Заимка-1, Ивановка-1, Новороманово-2, Пача-1, Писаная-1, Подъяково-2 (рис. 1). Нижнетомские артефакты составляют более 30% от общего числа всех предметов коллекции «Археология» основного фонда (рис. 2).

Коллекция древностей юга Нижнего Притомья «Томской Писаницы» в основном формировалась по результатам экспедиционных исследований музея-заповедника. В истории этого процесса можно выделить 3 больших этапа:

1. Первое массовое поступление археологических материалов микрорайона в фонды музея-заповедника приходится на 1990—1991 гг. В этот период в регионе работала археологическая экспедиция «Томской Писаницы», возглавляемая И. В. Ковтуном (Ковтун, 1993, с. 9; Ковтун, 2001, с. 46). Однако, начиная с 1991 г. и вплоть до середины 2000-х гг. археологические изыскания в регионе не проводились. В этот период времени коллекция «Археология» пополнилась

материалами с памятников Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, изученных А. М. Илюшиным в 1993—1994 гг. – Сапогово-1 и Мусохраново-3.

2. В середине 2000-х годов в основной фонд были приняты материалы, обнаруженные сотрудниками музея-заповедника П. В. Германом и С. Н. Леонтьевым в результате разведочных изысканий (Леонтьев, Герман, 2006, с. 136—137). Также продолжился прием в основной фонд артефактов, обнаруженных в начале 1990-х гг.
3. Современный этап формирования основного фонда связан с описываемыми в нашей работе экспедиционными исследованиями 2013—2014 гг.

В результате работ 2013 года основной фонд музея-заповедника «Томская Писаница» пополнился 7 единицами хранения. Это набор предметов каменной индустрии с памятников Ивановка-1: тесло, сердечник, пест, ложило, абразивы (ОФ №№ 9873—9879). Фрагменты 20 керамических сосудов поступили на временное хранение. Это обусловлено тем, что раскопки на данном памятнике еще продолжаются и велика вероятность нахождения новых фрагментов, принадлежащих данной посуде (прием одного сосуда под разными номерами в основной фонд противоречит логике). На временное хранение приняты многочисленные отходы производства каменных орудий: отщепы (51), пластины (19), желваки (4), нуклеусы (4), а также технологическая (30) и неорнаментированная керамика (65) (Марочкин, 2014). Эти артефакты планируется принять в основной и научно-вспомогательный фонды музея-заповедника.

С 2014 года поступающая на хранение коллекция артефактов с памятника распределяется по трем фондам: основному, научно-вспомогательному и сырьевому (ранее практиковался сплошной прием археологических предметов в основной фонд). Основной фонд формируется из артефактов, имеющих ключевое значение для датировки и культурной атрибуции памятника, а также из предметов, важных для определения характера производственной деятельности древнейших обществ. Подобные материалы чаще всего являются наиболее ценными в экспозиционном плане. Массовый материал, не отвечающий перечисленным выше критериям, но несомненно значимый с научной точки зрения, распределяется между научно-вспомогательным и сырьевым фондом.

Таким образом, по результатам всего одного полевого сезона 2013 года коллекция нижнетомских древностей в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» увеличилась почти на треть. В настоящее время готовятся к передаче материалы раскопок и разведок 2014 года.

II. Экспедиционные археологические исследования на юге нижнего притомья в 2013—2014 гг.

в 2013—2014 гг. в окрестностях музея-заповедника «Томская Писаница» были проведены совместные экспедиционные исследования Института экологии человека СО РАН, Музея-заповедника «Томская Писаница», Кемеровского государственного университета и Томского государственного педагогического университета. Цель изысканий заключалась в получении нового научного знания о слабоизученных периодах древней истории юга Нижнего Притомья. В задачи работ входили следующие позиции:

1. Получение данных о планиграфии, стратиграфии и культурно-хронологической атрибуции разновременного поселения Ивановка-1.
2. Выявление новых археологических памятников и уточнение археологической карты Нижнетомского очага наскального искусства.
3. Пополнение археологической коллекции Музея-заповедника «Томская Писаница».

На базе экспедиции проведена археологическая практика студентов Томского государственного педагогического университета (2013—2014 гг.) и Кемеровского государственного университета культуры и искусств (2014 г.).

Научные результаты экспедиционных исследований

Результаты исследований на поселении Ивановка 1

В указанный период проведены раскопки поселения Ивановка-1, расположенного на правом берегу р. Томь в 4,8 км ниже по течению от музея-заповедника «Томская Писаница». Заложены два раскопа общей площадью 217 м² на останцах третьей надпойменной террасы. Стратиграфия террасы характеризуется визуальной однородностью темно-серого гумусированного суглинка мощностью до 0,6 м, подстилаемого желтым «материковым суглинком». Памятник не стратифицирован, но зафиксированные в слое гумуса разновременные находки залегали в хроностратиграфическом порядке. На памятнике выявлено несколько культурно-хронологических комплексов:

Комплекс конца XIX – первой половины XX вв.: остатки русской деревни Ивановка. Представлен многочисленными скобяными изделиями (гвозди, скобы и т. д.), осколками стекла, фрагментами глазурованной и фарфоровой посуды, многочисленными фрагментами костей животных. Примечательны находки монет СССР номиналом 1 копейка и 20 копеек 1930 и 1932 года выпуска соответственно; петлевой пуговицы круглой формы с тисненной надписью «TREBLE», гильзы от патрона винтовки системы Мосина 1946 года выпуска (судя по маркировке на гильзе). Одна из бутылок, зеленого стекла, декорирована сетчатым рельефным узором, по сохранившимся фрагментам ее днища можно восстановить фабричную надпись: «Н. К. Л. П. (Конс) тантинковка. (Гл) австекло». К этому же времени следует отнести остатки ящика из каменных сланцевых плит с галечной забутовкой

Комплекс раннего средневековья (V–IX вв. н.э.): релкинская культура. Представлен разрозненными фрагментами одного керамического сосуда с декорированием внешней стороны рельефными налепными и формованными бордюрами, рассеченными вертикальными изогнутыми бороздками.

Комплекс раннего железного века (конец I тыс. до н.э.): кулайская культура. Представлен остатками одного керамического сосуда с характерной штамповой орнаментацией, остатками погребальной кремации и несколькими галечными выкладками подпрямоугольной формы. В совокупности данные материалы интерпретированы как остатки культового памятника кулайской культуры нового типа, единственного подобного комплекса в Кузнецком Притомье [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014].

Комплекс поздней бронзы (начало I тыс. до н.э.): ирменская культура. Единственный фрагмент венчика керамического сосуда с характерным «жемчужником» и ямочным орнаментом под срезом.

Комплекс начала развитой бронзы (первая половина – середина II тыс. до н.э.). Представлен остатками пяти керамических банок с характерной гребенчато-ямочной

орнаментацией и фрагментами одного плоскодонного сосуда самусьской культуры с прочерченным зигзагообразным узором.

Комплекс ранней-начала развитой бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.): крохалевская культура. Наличие данного комплекса удостоверяется остатками десяти плоскодонных керамических банок с псевдотекстильной орнаментацией.

Периодом ранней и развитой бронзы, по всей видимости, следует датировать многочисленные предметы каменной индустрии: желваки, пренуклеусы и нуклеусы, отщепы и ножевидные пластины, скребки, топоры-тесла, наконечники стрел, ножи-бифасы. Отсутствие на памятнике неолитической керамики связывает перечисленные изделия именно с комплексами крохалевского и самусьского времени, определяя их в качестве источника по хозяйственной деятельности населения Кузнецкой котловины в период ранней и начала развитой бронзы.

Интересны обнаруженные под поселенческим слоем две овальные ямы (3×0,6 м) с прокаленным заполнением, но их интерпретация (могилы, остатки очагов и т.д.), а также датировка требуют дальнейшего накопления данных.

Таким образом, в результате двухлетних исследований получены источники, открывающие новые перспективы для археологического изучения южных районов Нижнего Притомья. Раскопки поселения Ивановка-1 продолжатся в 2015 г., но уже сейчас этот памятник принадлежит к числу наиболее изученных в регионе, наряду с поселениями Новороманово-2 и Писаная-1 [Бобров, Ковтун, Марочкин, 2009], а также стоянкой Долгая 1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. Находки русско-советского времени имеют значение для *русской археологии Нового времени*. Это направление пока отсутствует в Кузбассе (за исключением работ Ю. В. Ширина), но успешно развивается в других регионах Западной Сибири. К сожалению, единичность сосудов поздней бронзы и Средневековья снижает информативность соответствующих комплексов поселения, но ситуация может измениться в ходе дальнейших раскопок. Комплексы ранней и начала развитой бронзы, основные для рассматриваемого памятника, имеют важнейшее значение для понимания специфики историко-культурных процессов на юге Нижнего Приобья в III—II тыс. до н.э. Значение зафиксированного культового комплекса кулайской культуры, уникального для Кузнецкого Притомья, также трудно переоценить.

Результаты археологических разведок

В июне 2014 года проведена археологическая разведка на участке д. Писаная – с. Пача, выявлены четыре ранее неизвестных памятника: поселение Синеречка 1 (ранняя бронза – переходное время от бронзового века к раннему железному времени); поселение Синеречка 2 (ранний железный век?); Синеречка 3 (культурно-хронологическая атрибуция не определена); Ивановка 2 (ранняя – начало развитой бронзы).

Таким образом, поставленная задача по большому счету выполнена. В тоже время малое число известных археологических местонахождений и неизменно положительный результат разведок говорят о перспективности дальнейшего поиска.

III. Научно-образовательные и просветительские результаты экспедиционных исследований

Два полевых сезона, прошедших в активном сотрудничестве академического института (ИЭЧ СО РАН), высших учебных заведений и музея-заповедника «Томская Писаница», стали уникальным опытом для современной археологии Кузбасса. В течение 2013—2014 гг. на базе Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции осуществлялась учебно-выездная практика студентов историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета и студентов кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

В ходе практики студенты приняли непосредственное участие в основной работе экспедиции по исследованию разновременных культурных комплексов памятника Ивановка 1, приобретя необходимые знания о методике раскопок и конкретные навыки полевой работы археолога – разметки изучаемой площади, выборки культуросодержащих слоев, расчистки объектов (остатков ям, развалов сосудов и др.), документирования источников. Разъяснение научных задач экспедиции сопровождалось чтением кратких лекций о состоянии археологической изученности региона, об отдельных аспектах научной проблематики неолита и палеометалла, о результатах исследований Нижнетомского отряда.

В выходные дни для студентов были организованы экскурсионные программы в музей-заповедник «Томская Писаница» и в район локализации археологических памятников близ Новоромановской писаницы, изучаемых экспедицией на протяжении 2008—2014 гг. (стоянки Долгая 1, Долгая 2, городище Долгая 4, курганные могильники Долгая 3, 5, 7). Таким образом, в полной мере был задействован комплекс возможностей экспедиционной среды для всесторонней научно-практической подготовки педагогических кадров Сибири.

Большая информационная поддержка деятельности экспедиции была оказана административными структурами Яшкинского муниципального района, Акациевского и Пачинского сельских территорий. Благодаря их вниманию был организован ряд экскурсий для школьников на место проведения исследований, намечены перспективы аналогичного взаимодействия на будущее. Место базирования экспедиции включено в туристический краеведческий маршрут детско-юношеского общества «Смальта» (г. Кемерово), действующего под эгидой Русского географического общества. Неизменный интерес раскопки Ивановки 1 вызывают у отдыхающих детского лагеря «Колосок», расположенного неподалеку, а дирекция лагеря не только просвещает своих посетителей организацией экскурсий на памятник, но и не раз оказывала помощь экспедиции в решении насущных бытовых проблем.

Популяризация исследований, проводимых отрядом Кузбасской экспедиции на памятниках Нижнетомского очага наскального искусства, осуществляется посредством местных печатных изданий («Яшкинский вестник», газета «Яшкино») и региональных СМИ (ВГТРК Кузбасс, газета «Кузбасс», интернет-портал «SmartNews» и др.).

Район деятельности экспедиции, без исключений, интересен населению окрестных населенных пунктов, местным рыбакам, туристам, случайным проезжим. Потому разъяснительная работа для граждан сотрудниками экспедиции велась ежедневно. Вопросы, затрагиваемые в этих беседах, касались конкретных результатов кузбасской археологии, сведений о ранее не известных памятниках, общих тем по истории края и человека в целом. Неизменно в ответ на обозначенный интерес к археолого-исто-

рической тематике ведется просвещение населения в сфере законодательных основ охраны объектов культурного наследия.

Взаимосвязь организационных составляющих деятельности экспедиции в Нижнем Притомье и повсеместного стихийного внимания к ней создает атмосферу, благоприятную для формирования в обществе сознания ценности исторического наследия и слаженного взаимовыгодного сотрудничества гражданских и государственных институтов, направленного на его изучение.

Литература

1. Бобров, В. В., Ковтун, И. В., Марочкин, А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства / В. В. Бобров, И. В. Ковтун, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 214–219.
2. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – XVIII. – С. 170–174.
3. Ковтун, И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц / И. В. Ковтун. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.
4. Ковтун, И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии / И. В. Ковтун. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 184 с.
5. Леонтьев, С. Н. Полевые исследования музея-заповедника «Томская Писаница» / С. Н. Леонтьев, П. В. Герман // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. – Кемерово, 2006. – С. 136–138.
6. Панкратова, Л. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье / Л. В. Панкратова, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 108–115.

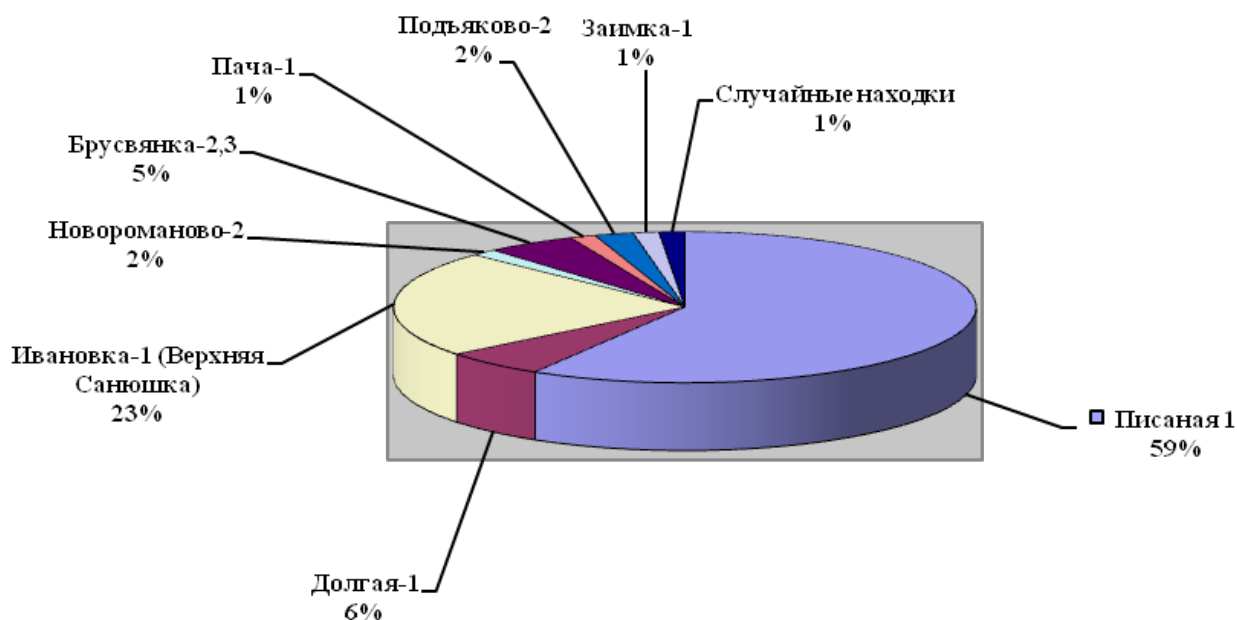

Рис 1. Соотношение археологических коллекций по административным районам Кемеровской области и территориальным единицам Российской Федерации.

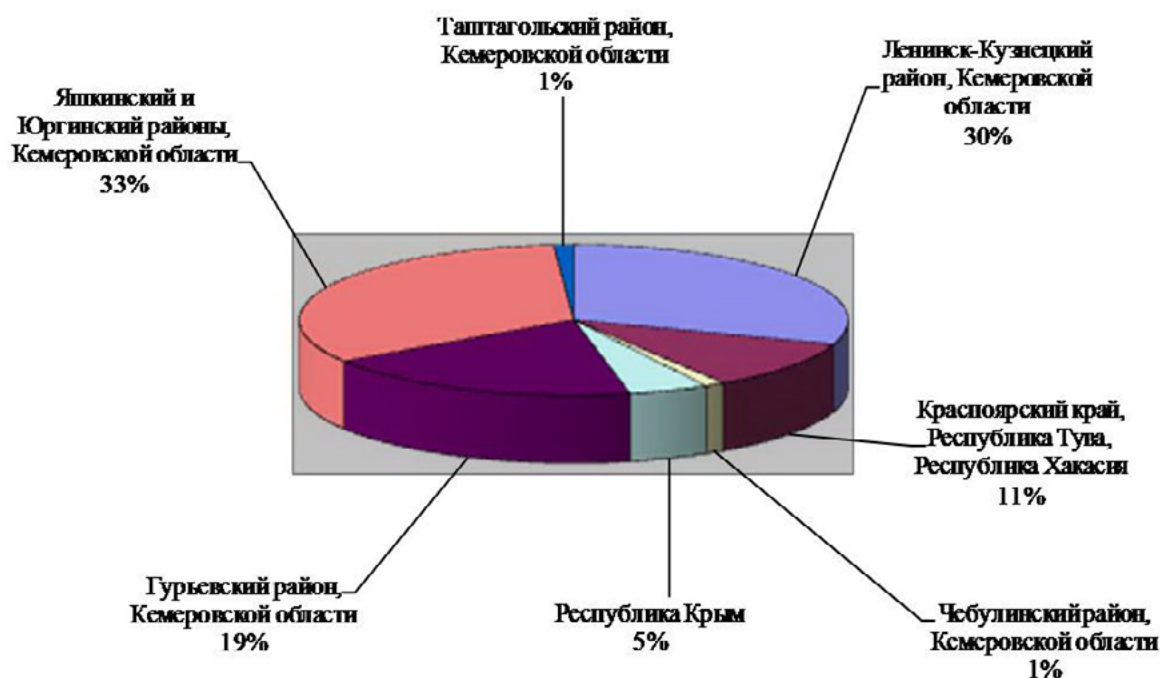

Рис 2. Соотношение материалов памятников юга Нижнего Притома в основном фонде коллекции «Археология».

Рис. 3. Материалы из раскопок поселения Ивановка-1. I – комплекс русско-советского времени: 1, 2 – монеты; 3 – пуговица; 4 – гильза винтовочного патрона; 5 – сосуд-крынка; каменная конструкция. II – культовый комплекс кулайской культуры: 1 – керамический сосуд (а, б – виды внутренней и внешней стороны); 2 – объекты комплекса (а – остатки погребальной кремации; б-г – остатки галечных выкладок). III – комплекс ранней-начала развитой бронзы: 1- вид расчищенного скопления фрагментов керамического сосуда; 2 – фрагмент сосуда крохалевской культуры; 3, 8 – нуклеусы; 4, 5 – пластины; 6 – сердечник для отлива втульчатых орудий; 7 – наконечник стрелы; 9 – скребок; 10 – отщеп; 11 – абразив.

Рис. 4. Состав Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2013 г.

Рис. 5. Работы на памятнике Ивановка-1 в 2013 г.

Рис. 6. Состав экспедиции в 2014 г.

*Рис. 7.
Вид лагеря.
2013 г.*

*Рис. 8.
Экскурсия
студентов
ТГПУ в Музей-
заповедник
«Томская
Писаница».
2013 г.*

*Рис. 9. Беседа
руководите-
ля отряда
А. Г. Мароч-
кина с пред-
ставителями
администра-
ции Яшкин-
ского района
и журналиста-
ми «Яшкинско-
го вестника».
2014 г.*

